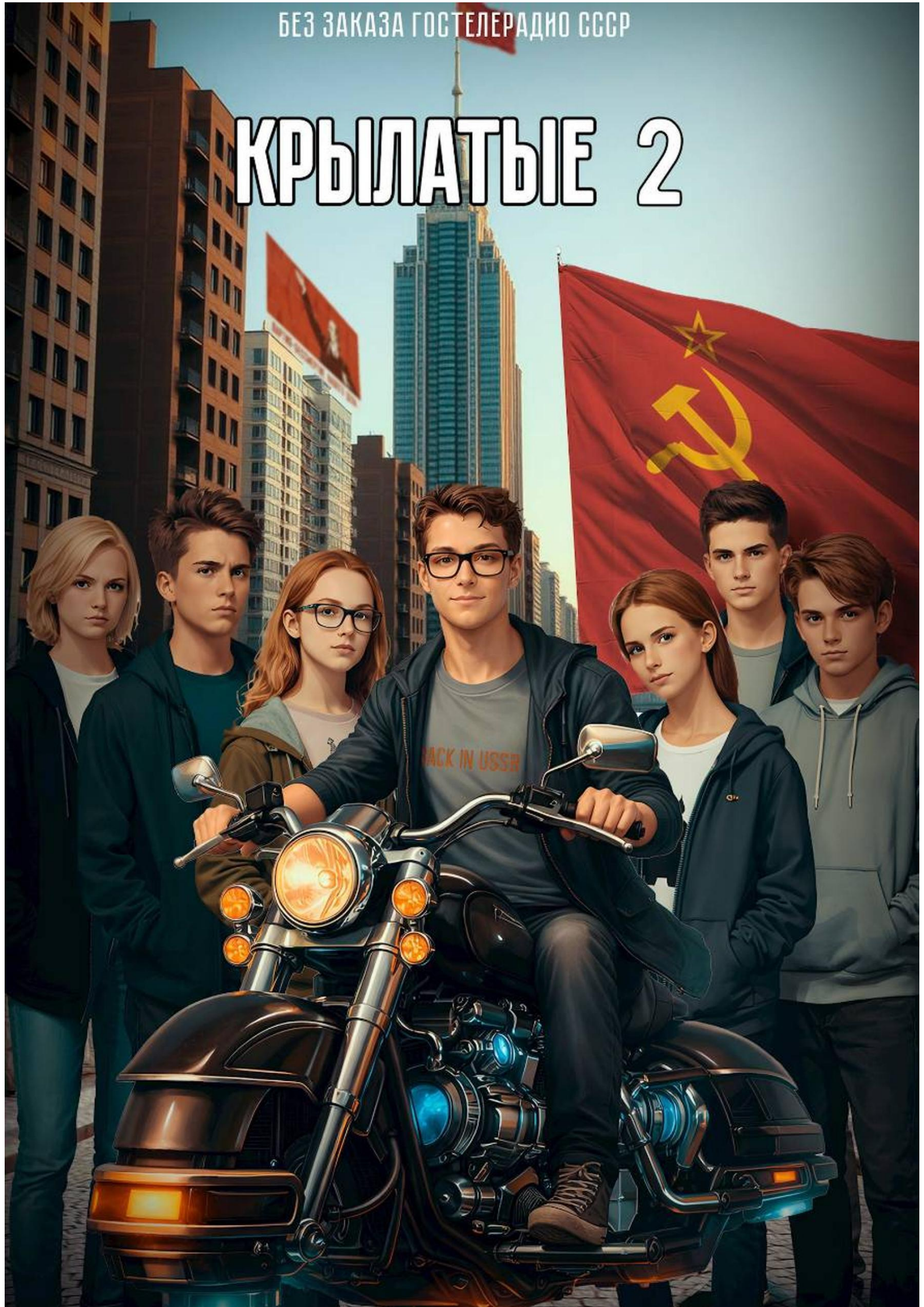

БЕЗ ЗАКАЗА ГОСТЕЛРАДИО СССР

КРЫЛАТЫЕ 2

Денис Силаев

Крылатые 2. Наверх

«Автор»

2026

Силаев Д.

Крылатые 2. Наверх / Д. Силаев — «Автор», 2026

Продолжение приключений элитного батальона землян в СССР, на календаре которого 1977-ой год. Потихоньку удалось легализовать некоторые сверхвозможности, а те, которые не легализовали - значит так и задумано. Не всем трудящимся Советского Союза попаданцы принесли мир, некоторым придется отвесть меча.

© Силаев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Черные фары у соседних ворот.	5
Глава 2 Я полагаю, торг здесь неуместен.	11
Глава 3 Нам нельзя в Бельдяшки.	17
Глава 4 Я свидетель, а что случилось?	23
Глава 5 Товарищу дали слово.	29
Глава 6 Мы летаем-кружимся, нагоняем ужасы.	35
Глава 7 Карнавала не будет.	41
Глава 8 Секретарь — птица гордая.	47
Глава 9 Ешьте рыбу с плюшками — придет комбат с веснушками.	54
Глава 10 Что нам стоит дом построить.	59
Глава 11 Кимоното хировато.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Крылатые 2. Наверх

Глава 1 Черные фары у соседних ворот.

Интерлюдия I

— Юра, а до завтра твой доклад не подождет? — с сожалением оторвавшийся от праздничного стола старик даже какое-то время раздумывал, не следует ли ему прямо сейчас, прервав на несколько секунд главу одной из самых могущественных спецслужб мира, принять рюмочку «Зубровки», закусив любимой холодной котлеткой из собственноручно добытой лосятины. А потом можно и поговорить. Да, его статус позволял притормозить или вообще заморозить разговор с Председателем КГБ до удобного ЕМУ момента, но так делать все же не стоило. Его протеже — умный и тактичный мужик, и если считает, что нечто должно быть известно первому лицу страны сегодня, значит это того действительно стоило.

— Да у меня, собственно, не доклад, а так, аналитическая записка.

— И что в ней?

— Два члена Политбюро и один кандидат сегодня... — вот зачем он тянет паузу? Давай уже к делу!

А, вот оно что. Да, Первый и сам заметил эту странность. Не должен был законопроект так легко проскочить. Но неожиданно два члена Политбюро и один кандидат, от которых ждал поддержки Старая Табуретка, воздержались. Мало того, Вовчик еще и небольшую речь толкнул, мол, а чего бы молодым дорогу не дать? Изумленную рожу Михаила Андреевича увидели все. Тащил он, тащил этого засранца... А тут вот тебе. Ладно бы по чему-то действительно важному переметнулся, а так... Оно того стоило? Вовчика мы, конечно, теперь станем поддерживать, и вообще пощупаем на предмет взять его К СЕБЕ, но можем и не уберечь. Чего он так резво выскочил-то? Чего ему от нас надо?

— Ну ладно, а дальше что, Юра? ... Ах, даже так?

Ох, лучше бы этот ларчик с загадкой не открывался так просто. Пусть это будет какой-то другой заговор, другая интрига. Секрет, который он собирался беречь сильнее «ядерного чемоданчика», кажется, перестает быть секретом. И самое главное, что этим секретом собираются воспользоваться.

— Отставить доклад, Юра. И запиской своей фельдъегеря не напрягай, праздник как-никак. Вникни во все как ты умеешь — тихо и основательно, тогда и подумаем вместе. Главное, что ты мне сообщил о проблеме.

Сволочи. Им о стране надо заботится, ОН их для этого тащил, утверждал, наделял полномочиями. А они... У всех трех, присоединившихся к законопроекту, диагностировано резкое улучшение здоровья.

Денис.

Вечер Первомая 1977 года мне не сулил никакой приятной истомы. Я как-то привык за долгие годы взрослой жизни, что в своем доме хозяин именно я. Всё решаю, за всё отвечаю, всеми командую. А в этом времени в нашей квартире безусловными хозяевами являются мои родители. Я же представляю собой неквалифицированную рабочую силу и гонца по магазинам без права голоса.

Мне срочно надо выбить все ковры, пропылесосить комнаты, перестелить белье и... Ладно, остальное уже завтра. Какие-то работы в подвале предстоят, надо сдать в прием стеклотары пустые банки и перебрать картошку. Это традиционный пул работ на майские, еще, пожалуй, и бабушка попросит помочь в огороде. С одной стороны, конечно, искупаюсь в ностальгии, с другой... А у меня типа дел нет?

И пофигу, что я вернулся из-за кордона с гостинцами, а потом приволок громадную сумку спецзаказа из райкома. Торжественный ужин, совмещенный с допросом про Швецию, был? Всё, теперь вкальвай.

Отец во всем этом движе какой-то практической долгосрочной пользы пока не видит и смотрит скептически. Лучше бы уроками занялся, образование надежнее всех этих заигрываний с партократией и гулянок с новыми друзьями. Поездка за границу — хорошо, конечно, но на постоянной основе так ездить невозможно, это совершенно понятно неглупому инженеру с Коксо-Газового Завода. Лучшего шахматиста страны так часто не выпускают, а тут школьник. Лучше математику учи, отдых кончился. Так что мне еще часок над учебниками завтра покорпеть придется.

Хорошо хоть после демонстрации душевно с нашей звездочкой на берегу речки посидели, поели мяса с газировкой. Очень хотелось попробовать памятный всем квас из бочек, но еще не сезон. Алкоголь общим решением проигнорировали, решили, что не стоит переходить ко взрослым удовольствиям в столь юном возрасте. Побили гарпунчиками с наноманой рыбки, и всю ее отдали малообеспеченному Игорьку. Дома каждого ждал праздничный стол, голод не грозил.

А теперь вот луплю по ковру, вывешенному во дворе, пластиковой выбивалкой и просматриваю интерфейс. Сил нет читать полный текст отчета/инструкции, который Штаб разместил на нашем форуме, наверное, перед сном просмотрю.

Трудно не мне одному. Влад и Ромка сейчас отдуваются на свиданиях с четырнадцатилетними девочками. Та еще нагрузка на нервную систему, формат этого времени для таких мероприятий нами наглухо забыт, и как себя вести, Ромка, например, совершенно не представляет. Что можно, что нельзя? Где, если девушка говорит «нельзя» — правда нельзя, а где это призыв действовать смелее?

Ладно, хорошо, что меня чаша сия пока что миновала. Успею еще, все равно сорвать запретный плод наслаждения в таком юном возрасте с такими приличными девочками моим товарищам не светит, да они и сами на такое не пойдут. Так что слоняться им по потемкам, ведя многозначительные и такие важные для их подруг разговоры ни о чем.

Звонок в дверь застал меня уже за сдвиганием дивана, рядом с ведром и шваброй.

— Денис? — недоуменно спрашивает мама. Недоумевать есть от чего, за распахнутой дверью в квартиру громоздятся два милиционера.

— Не знаем, приказано доставить в отдел.

Вот тебе и общественное движение. Что, партия решила все-таки ночь длинных ножей провести с нами? Нет же у меня дел никаких с милицией. Пишу в чат звездочки и сажусь в канареечного цвета «Москвич». В этом времени не принято спорить с милиционерами, требовать телефонные звонки и адвокатов, угрожать жалобами. Говорят тебе садиться в машину — значит, садись. ТАМ разберутся.

Роман.

К моему счастью, на наше свидание Стася прихватила двух своих подруг. В своем двадцать первом веке, понятное дело, это вызвало бы уверенность, что я столкнулся с типичной шайкой «тарелочниц», охотящихся на халявное угощение в кафе или ресторане. Но тут... Кто пустит в ресторан (единственный в Видном) подростка? Там и взрослым-то мест нет, если это простые смертные. Ларьки с мороженым тоже уже закрыты, хотя на мороженое, в отличие от ресторана, у меня бы денег хватило. Летнее кафе у «Трех богатырей»? Его откроют только после Дня Победы, да и не место там школьникам, среди рабочего класса с пивом и воблой.

Тоже самое на открытой веранде в Березовой Роще, только там еще и дружинники могут докопаться. Потому что весь ассортимент — тоже только пиво и вобла, только еще музыка играет, что-то вроде Пахмутовой на слова Добронравова. Дискотек, дабы возможными эксцессами не омрачить такой светлый праздник, в Ленинском районе сегодня не проводится,

а в клубе (недавно переименованном в Дом Культуры) вас ждут только изостудия и оркестр народных инструментов. Бродим по начинающим зеленеть аллеям Проспекта Ленинского Комсомола.

Господи... Нет, не хочу. Все эти светские беседы школьниц и неумелый флирт... Ну зачем? Ну нормальное же детство было, куда нас, подростков, тащит? Зачем все эти молодежные компашки и взрослая повестка (тусовки, выпивка) сейчас начинают входить в нашу жизнь? Успеет еще.

Помню, что сопротивлялся и недоумевал по поводу очень резко поменявшейся парадигмы и в свои настоящие 14 лет. Мне лично в детстве было уютно. Гуляй себе, жги костры, мастери луки и рогатки с бомбочками и ракетами. Нет же, оказалось, что вместо этого надо тупо слоняться от подъезда к подъезду, от дома к дому, с кем-то солидно ручкаться и говорить ни о чем. Будто бы других занятий нет.

Вот и сейчас две подруженьки о чем-то хихикали, а Стася, как королева вечеринки, благосклонно прислушивалась к какой-то очень важной сплетне. Кто-то там что-то сказал какой-то Соболевой, а она, а он, а оно... Как бы не зевнуть ненароком. О, точно. Надо подготовить пути отступления, потому что я точно зевну, рано или поздно. Значит, сразу надо что-то придумать про бессонную, до трех часов ночи, репетицию пролета над Советской Площадью. Или до трех мало? Может, это недостаточный уровень трудностей, чтобы допустить зевок в обществе прекрасных дам? Наверное, скажу, что до четырех репетировали, у нас никак групповой иммельман не получался.

Кстати, вот и весь мой таинственно-героический ореол. Кроме дежурных вопросов «ой, а не страшно летать?», и про то, кто там такая среди нас тощая и плоская девчонка, наверняка задавака — никакого интереса. Вот что привез Двиглов из Швеции — ой, расскажи, но узнав, что ничего, быстро потеряли интерес. Тут есть новости поважнее. Соболевой же что-то сказали!

Ну и ладно, ну и хорошо. Я сегодня — просто бесплатное дополнение к первой статс-даме. «К Стась-даме» — мысленно поправляю себя я с ухмылкой. Впрочем, долго я так мучаться не собираюсь. Отмечусь перед школьной общественностью своей «взрослостью» и... Нафиг-нафиг, есть более полезные способы тратить свое время.

Телефонный звонок... Это для меня он раздался просто внезапно (я тоже уже начал забывать благословенный двадцать первый век), а для девчонок звук из небольшого рюкзачка был... Как если бы оттуда, шипя и извиваясь, вылезла бы кобра. Мама с сестрой пошли праздновать в гости к знакомым, и попросили быть на телефоне.

Ну а я что? Я квантовую запутанность под руководством нашего технического гения Игоря освоил. И сейчас у меня в руке телефонная трубка. Трубка самодостаточная, умыкнутая Игорем у какого-то телефонного монтера, уже с диском и кокетливым тумблером, призванным соединять-разъединять линию. Обрывочки проводов подведены методом этой самой запутанности к домашней телефонной розетке, сам звонок Игорь создал из трехвольтового электромоторчика для моделистов. Есть еще и бесшумный режим, лампочкой, который включается еще одним тумблером. Радиотелефон as is. Только эсэмэски не отправляет и фотоаппарата нет, но выглядит для своего времени супер продвинуто.

Звонок не удивил, сейчас народ, вернувшийся с гулянок, начинает зависать на телефонах (у кого есть) и поздравлять близких и родственников. Так здесь принято. Ну и конечно, похвастаться полученными к празднику премиями и успехами тоже надо. Именно на Первомай профсоюз старается подписать все льготные путевки на курорты и в санатории, огласить, насколько сдвинулась очередь на жилье и автомобили, так что этот вечерний звон мог затянуться. Но сейчас звонили именно мне.

— Ростов? — осведомился смутно знакомый мужской голос. Впрочем, голос не стал хранить интригу.

— Винокуров, подполковник. Розыск. Помнишь, мы с тобой ухарей, что мину варили, повязали?

Помню этого мужика с профессионально усталыми глазами и сединой. И его пижонский светлый пиджак, который он носил по немыслимому в этом времени фасону — под темные брюки и без галстука. Это понимать надо, сейчас такой лук выглядит, как если бы в нашем двадцать первом веке начальник розыска приехал на работу в косухе и байкерской бандане.

Подполковника Винокурова я в свою службу уже не застал, но вспоминали о нем в отделе хорошо, да и с нами он ровно и тактично в ситуации с миной себя вел. Руки пожал, с грамотой не затянул.

— Короче, Ром... Если есть возможность, подскочи, пожалуйста, в отдел, скажешь, что ко мне. Может поможешь чем. Не телефонный разговор. Сможешь? Ваших еще кого если подтянешь — совсем здорово будет. Я за Двигловым и Тимониным экипажи отправил, Смирнова тоже попросил найти.

А я что? Я пионер, я всегда готов. Стася живет недалеко, в здании, где расположен магазин «Для дома и спорта», мы сейчас рядом. Кумушки... Я же их не звал, да и не тронет никто двух школьниц в нашем мирном городе. Сами домой пусть чапают. А я полечу в райотдел. Полет в наступающих сумерках по теплому майскому воздуху — лучше ощущения просто не может быть.

Влад.

Попросил он найти... Товарищ подполковник, может, и попросил, но наш участковый, мужчина, затраханый службой и винными парами, понял эту просьбу как «разыскать и схватить». А какие еще действия начальник следствия мог хотеть применить в отношении подростка, уже состоящего на учете в Детской Комнаты милиции? Даже предварительный допрос в формате «ну всё, стервец, давай, выкладывай, что натворил» пытался провести.

Еще минут пять, и я бы столкнулся с ним в дверях, неся в кармане мешочек с деньгами и запиской от Кота, который я ему собирался вернуть. Вот это точно крышка бы мне была. А так.. Меня за грудки и на лестницу, обыскали-досмотрели, и ничего не нашли.

Потом меня запихнули в люльку милицейского «Днепра» и повезли в отдел. Хорошо, что, кажется, никому из знакомых (а главное — педагогам школы) я на глаза не попался, в это время быть задержанным милицией — действительно пятно на реноме.

Слова о законном представителе и прочих моих правах я придержал, как только увидел на ступеньках отдела мужика в гражданке с автоматом через плечо. Таким же автоматом с откидным прикладом и с нелепо сидящим броником был оснащен часовой милиционер на входе.

— Смирнова доставил. — Начал было объяснять участковый, но часовой нетерпеливо махнул рукой, мол, заходи давай. Что характерно, моего цербера он развернул обратно. Представленный сам себе, я открыл дверь и зашел.

Вы видели растревоженный улей? Так вот, отдел на него совершенно не походил. Хмурые и молчаливые мужчины в форме и в штатском деловито кучкуясь по двое и трое, спешили на выход. Из оружейки доносились смачные звуки передергиваемых затворов и характерные чпоки, издаваемые патронами, загоняемыми в магазины.

— Двух гаишников на Старой Каширке расстреляли. — Услышал я в интерфейсе голос Дэна. — Мы с Игорем слева от тебя, со следователем стоим. Присоединяйся, нас тут ориентируют. Сейчас с группами пойдём.

Переведя взгляд, я действительно увидел своих, стоящих... Ну раз Дэн сказал, что следователь — значит, следователь. Только чего стоим, время теряем? Нам рвать надо со всех своих НМЧ-сил, стараясь оседлать дороги быстрее, чем преступники ускользнут.

— Ленке сообщили? Она там близко, может сразу заблокировать.

— В Москве я. — Тут же проклюнулся ее голос. — Работаем с Львовичем.

— Работаете? — удивленно протянул Дэн.

— Нет, свидание у нас, блин! — съязвила Спицина.

— Тогда скажи ему, что у нас ситуация по коду «бряк-бряк». — сразу вклинился Роман. Ого, ничего себе.

«Бряк-бряк» — это закодированное сообщение о незапланированном последствии наших вмешательств. Типа как незапланированные последствия, грянувшие громом в романе Брэдбери. Сам я не читал, но Дэн рассказывал. Бабочку в мезозое растоптали, и вся история человечества пошла не так. Вот и сейчас, Ромка углядел какое-то событие, которого в известной истории быть не могло. Кто-то раздавил бабочку, которая, как известно из песни Андрея Миронова, крылышками... Бряк-бряк.

— Я же еще когда в ОКОДЕ стажировался, заучивал сотрудников отдела, погибших при исполнении. Их за все время создания, с 1965 года, и до девяностых, было три человека. Гаишник один всего погиб, спасая детей на переходе. — Поясняет Ромка. А тут двое, да еще расстреляли из автомата. Это какие-то ПОСЛЕДСТВИЯ. Сами знаете чего.

— Я сейчас Львовичу сообщу, а ты, Дэн, наверное, взводному доложи, пусть поднимает еще кого сможет. — Посоветовала Лена.

— Может, он тоже кого поднимет. Есть у нас кто-то в Чертаново и на Домодедовской? Смогут поучаствовать в облаве?

— Не знаю, у нас тут разговор сейчас очень важный происходит, не могу отвлекать. Стой. Он говорит — звони Дерюгину. Срочно.

— Срочно... — ворчит Дэн. — Срочно мне домой позвонить надо, там сейчас опять черте что творится. Кровинушку сатрапы забрали, опять все на нервах. Ром, дай рюкзачок мне по тихому, отойду типа в туалет. И домой и Дерюгину наберу. А вы дальше инструктируйтесь.

Хорошо, что на Первомай милиция обычно уже работает в усиленном режиме, и большинство сотрудников на службе. Но кого-то вызывают с выходных и отсыпных, и народ продолжает прибывать. Впрочем, надолго не задерживается, и разбившись на пары и тройки, отправляется по району. Опера — те, скорее всего пойдут шерстить известные малины и притоны, ДПС-ники — будут частым гребнем проверять документы и досматривать всех подозрительных. Хмелеуборочные работы, как тут называют доставку пьяных, сокращены до минимума. Все ищут убийц.

Денис уже вывесил в чате звездочки все, что им рассказали на инструктаже. На Каширском шоссе, огибающим наш город, между Апаринками и совхозом им. Ленина, экипаж гайцов остановил какую-то машину. После чего их расстреляли из автоматического оружия и скрылись, не тронув оружие и документы. Свидетелей, несмотря на светлое время, не было. Первое мая же, и большинство водителей (которые в этом времени и так достаточно редкий вид) находились за праздничными столами. Шоссе сейчас малолюдное, и неладное обнаружил водитель рейсового автобуса.

— Как узнали, что гайцы сами остановили машину, а не инициатива нападавших? — интересуется въедливый Игорь.

— Протокол начали заполнять уже. Шапку только старшина написал, и получил очередь. И машина остановилась спереди перед мотоциклом гаишников. Если бы сами нападали, встали бы сзади, так удобнее.

— Ствол после такого дела обычно принято скидывать. Нашли?

— Нет, но если они его до Москвы в кусты закинули, то обязательно найдем.

— Почему до Москвы? Могли развернуться и в область рвануть. Так что надо будет осмотреть и бетонку вокруг Петровского, и до Горок, там места глухие. Аэропортовское шоссе тоже надо проверить.

— Пипец, провели майские... — сокрушается Денис. У него самая напряженная программа, и так отдыха не предвиделось, а теперь, судя по всему, еще и со сном проблемы будут.

— Кого стоим, чему ждем? — торопит нас высунувшийся из своего кабинета зам по строевой. — Разобрались по экипажам и вперед.

Глава 2 Я полагаю, торг здесь неуместен.

Лена.

— Поймите, молодой человек, это гораздо. Гораздо сложнее, чем вы с друзьями себе представляете. И смысла особого я не вижу.

Говоривший эти слова старик с благородной сединой и прямой осанкой смотрел благожелательно и свысока, говорил взвешенно. Если бы не его насквозь затрапезный вид — вязанная крупными узлами кофта, треники с пузырящимися коленями и очки на резиночке, можно было бы представить его эдаким солидным господином мажордомом. Или кто там декларирует, отстукивая ритм посохом при входе аристократа в королевский зал: Лорд такой-то и такой-то, барон Магдебургский и всея-всея...

Даже смотрел куда-то сквозь нас, будто бы отстраненно. А чего нас, двух букашечек рассматривать? Он хоть и мажордом, но при очень серьезном дворе. Куча знатных и богатых аристократов в самом розовом сне не могут представить себя на его месте. Недосыгаемо оно для многих, даже весьма непростых смертных. Третий секретарь обкома Московской Области.

— Лев Ильич, так то, что мы предлагаем Вам, вообще невозможно. По крайней мере, передовой советской медицине это не под силу. Так подумайте, кому будет сложнее исполнить свою часть обязательств?

— Вы сказали «обязательств»? — в голосе старика прорезается металл, а взгляд начинает нехотя, давай оппоненту время одуматься, фокусироваться на объекте раздражения. Последняя пара секунд есть, чтобы заверить Льва Ильича, что он не так понял, я не так выразился, я-не-я-и-жопа-не-моя.

А как участливо заглядывал к нам в глаза пятнадцать минут назад, когда мы осматривали его дочку. Как воспрял, когда бледность с лица восьмилетней соплюшки, лежащей в постели, начала отступать, и она тихим голосом попросила поесть. Но прошло совсем немного времени, и вот уже, за дверями детской комнатки, на крыльце ведомственной дачи, разговор пошел совсем в другом ключе. Добрый дедушка для горячо обожаемой внучки и чиновник на большом посту — это разные вещи. И он окончательно фокусирует нахмуренный взгляд на нахальном пионере.

Но сидящий перед ним пятнадцатилетний (если смотреть на биологический возраст тела) подполковник сама не знаю какой спецслужбы, Олег Львович Полозов, кажется, даже рад, что наконец на него обратили внимание. И с готовностью, даже немного снисходительно поясняет:

— Ну, договор подразумевает, что обе стороны берут на себя какие-либо обязательства.

Он не перебарщивает? Восьмиклассник, который так говорит с представителем власти, годящимся ему в дедушки, явно нарывается.

— С чего вы взяли, что я о чем-то собираюсь с вами ДОГОВАРИВАТЬСЯ? Я не договариваюсь с шантажистами, и никогда не договаривался. А одного моего слова достаточно чтобы...

— И не договаривайтесь. — простодушно перебивает Львович. — Потому что шантаж — это уголовное преступление. Распространение порочащих сведений и все такое. Может, Вы хотели сказать, что не договариваетесь с теми, кто Вам угрожает? А чем мы Вам угрожаем, не напомните? Тем, что не вылечим Вашу внучку, да?

При упоминании о внучке глаза старика опять слегка затуманиваются, но только на мгновение. Он внимательно следит за каждым словом этого нахального пионера.

— Моя внучка будет вылечена. — весомо, неостановимо как летящий к Земле астероид, произносит наш собеседник, тяжело роняя слова. Но Полозову это как-то побоку. Ух, подготовочка у человека...

— Будет. И наш список будет Вам выполнен. Тут нет ничего незаконного.

— Я повторяю... — Он окончательно решил нас задавить своим возрастом, авторитетом и должностью.

— Незачем, уверяю Вас. Я прекрасно помню о чем мы говорили. — И нахальный пионер продолжает накидывать факты, с которыми спорить невозможно, при этом продолжая смотреть прямо в лицо старика, не замечая сведенных бровей и метаящих искры глаз.

— Первое. В круг наших профессиональных обязанностей лечение смертельно больных не входит. У нас вообще профессии еще нет, мы дети. И лечить, кстати, мы не имеем ни малейшего права. Нет ни соответствующего образования ни допуска. — Я вижу, что третий секретарь что-то хочет сказать, но Львович ему не дает и продолжает:

— Второе. А кто возьмется ДОКАЗАТЬ суду, что мы можем провести такое лечение? Посмотрите на Лену. У нее скальпеля с ланцетами и зажимами из пальцев не растут, в глазах рентгенов нет. Ее даже санитаркой в классе не утвердили. Ну знаете, такие девочки, ходят с сумочкой в которой марля и зеленка, и проверяют, у всех ли уши и руки помыты. С чего вы решили, что она может кого-то хоть от насморка вылечить? Ах, с ее приходом Вике полегчало? Ну так болезнь по синусоиде идет, временные ремиссии всегда возможны.

Видно, что у мужчины и на это есть аргумент, и он уже открывает рот, решив наконец-то взять утраченный было приоритет в дискуссии, но опять не успевает.

— И третье. Возможно, Вы думаете, что удастся вчинить Спициной бездействие или оставление в опасности? Напомню, что ответственность за подобное в нашем УК наступает с 16 лет, до которых Лене еще два полных года.

Мне, кстати, во время этого разговора, заняться совершенно нечем. Нам даже чаю не предложили, стол перед нами вызывающе пуст, и я просто хлопаю глазами. Львович сказал молчать — я и молчу.

— Ну, если дело ДОЙДЕТ до суда... — многозначительно и веско роняет мужчина, дав нам время понять смысл сказанного, мы же сопляки малолетние, вдруг чего не понимаем. — ...то возможно, суд расценит это как убийство, а за него ответственность наступает с 14 лет. Кроме того...

—... так можно оценить бездействие Лены в отношении еще восьми детей, находящихся в онкологии на Каширском шоссе. — с готовностью подхватывает Полозов. — И которые умрут. Впрочем, умрут семеро, одного она вылечит. Вместо Вашей внучки.

Игорь.

«Мне в Бельдяшки нельзя, я женат» — повторял я про себя запомнившуюся фразу из комедии. Но было не до смеха. Криминально-блатной мир моего района не любит, когда школьники работают наводчиками у ментов. Категорически не любят, вплоть до того, что какойнибудь стремящийся, желая доказать свою верность всем этим ауешным традициям, может просто ткнуть мне шилом в почку при случае, забыв спросить мнение об этом каких-то Кота с Бульдогом. Странный заповедник уголовных понятий в общем-то благополучном и малокриминальном мире Ближнего Подмосковья.

Если нами собираются усилить патрульные группы, то надо попросится максимально далеко от Лесной. Где-нибудь в Расторгуево, там меня никто не знает. А Владу, наверное, тоже спокойнее будет, если искать криминал он станет помогать здесь. И никаких добровольных усаживаний в милицейский бобик, разумеется, местная братва видеть не должна.

Поэтому, как только Ромка мне брякнул по интерфейсу, мол сейчас к тебе приедут из отдела, я не стал дожидаться, и стартовал прямо из окна своего второго этажа. Но не в отдел, а за гаражи. Надо местных приблатненных долбоклюев предупредить, что скоро кипеж начнется. Мне пустячок а им приятно, глядишь, и у меня информаторы в этом мире появятся.

Не до мелкой шпаны сейчас милиции, ячейки невода рассчитаны на более крупную рыбу, так что охране социалистической законности я навредить не смогу. Скорее помогу не отвле-

каться на мелкую шелупонь, на которую все равно, никаких средств воздействия кроме пары подзатыльников не предусмотрено.

— Смола! — кричу я из-за гаража, не подходя к столику, на котором трое подростков как-то вяло и безыдейно режутся в карты. Ну не хочешь ты играть, ну походи, чемнибудь другим займись. Но у них *poblesse oblige*, играть в вышибалу или футбол — недостойное серьезных людей занятие. Поэтому только карты.

Смола подходит осторожно. Вроде еще вчера он мог запросто вывернуть мои карманы, а сегодня нельзя. Сегодня за меня СКАЗАЛИ. И показали, судя по вспухшей губе.

— Я тебе, конечно, ничего не говорил, но вот-вот конкретная облава случится, вязать будут всех подряд. Нет, не как всегда. Сегодня жестко будет, без бирюлек. Менты злые, и есть причины.

Смола желает узнать подробности, желает чтобы я подошел к пацанам и все сам рассказал, но меня такой расклад не устраивает. Сейчас, случись что, будет мое слово против его. То есть доказательств, что я слил облаву, по факту нет. И не надо на меня так плохо думать. Начальнику следствия, подполковнику Винокурову можно уголовникам про нас сливать, а в обратную сторону — ни-ни? Все в оперативных интересах, так сказать.

— Ладно, полетел я. Надо и свои дела прибрать, сам понимаешь. — я заговорчески подмигиваю обалдевшему Смоле, и взлетаю. По прямой до отдела метров триста, но я сделаю крюк через лес. Последнее, что я вижу — мучительное раздумье, отразившееся на лице парня. Что такого надо сделать, чтобы вчерашний задрот вдруг начал иметь какие-то дела с самим Кошей и какими-то еще более серьезными, умопомрачительно авторитетными людьми?

Интересно, какие такие процессы мы запустили, что преступники милиционеров расстреливают. В каком-то перестроечном фильме такое видел, не помню точно. Кажется «Грачи», но тут, сейчас, такое просто невозможно.

Лена.

Я видела папку, что лежит на коленях у комбата. История болезни одной из девочек. Через пару месяцев эту папку можно будет переименовывать в «историю смерти». Света умрет от рака примерно через такое время, советская (да и любая другая медицина) бессильна. Она умрет на руках у своих родителей, простых рабочих из Уфы, а мы не станем вмешиваться в любом случае.

Всей наноманы нашего батальона хватит для того, чтобы вылечить или включить режим поддержания жизни... Человек пятнадцать, не больше. На всю страну. Да что там, на всю нашу Вселенную. Так что как ни цинично, но с военной логикой Львович старается использовать наши очень скромные возможности с максимальной пользой.

Я на этих переговорах просто, так сказать, демонстратор технологий. В высоких кулуарах действительно что-то стало известно про девочку, которую генсек то-ли удочерил, то-ли просто приютил, и которая благотворно влияет на его здоровье. И в особо секретной и доверительной беседе кто надо подтвердил товарищу третьему секретарю, что да, вот эта девочка тоже творит чудеса.

На самом деле чудеса будет творить запас батальонной наноманы, но об этом никому знать не следует. А очень-очень узкому кругу нужных лиц мы рассказываем именно такую версию — конкретно вот у меня тоже есть такой дар.

Старик решает подкрепить свое давление конкретикой, и намекает на... Ну тут все понятно. То, что он считает справедливостью (это когда ему все а нам — ничего) он может добиться внесудебными методами. Ой, я вас умоляю. Полозов все-таки из силовых структур, и похоже, даже любит когда пытаются разговаривать с позиции силы. Легкий намек что товарищ мажордом всего лишь ТРЕТИЙ секретарь. Не республики, не СССР, а пусть и главной в стране, но области. А у товарищей первых и вторых секретарей всего-всего что выше или

рядом, тоже, если не у всех, то мы найдем у кого — проблемы со здоровьем. Или у самих, или у очень дорогих и близких людей. Вас заклюют, Лев Ильич.

Товарищ секретарь, видимо, оторопел от нашего нахальства. Давно с ним так не разговаривали, и это рвет привычный шаблон повелительного наклонения. Ведь явно же он здесь начальник, так заведено. Но мы почему-то начальника в нем не видим, и говорим как с равным. Видно, что краткая ревизия своих ресурсов и рычагов давления на нас им за эту минуту-две уже произведена, и сейчас ведется скоростная выработка другого алгоритма.

Позовет охрану? Потребует установить личности наших родителей, как они, такие-сякие, воспитали таких гадов? Да нет, видимо, разъяснения Политбюро в закрытой телефонограмме недвусмысленны, плюс понимает, что мы сейчас просто стартанем отсюда в воздух, и ищи нас, свищи. Найти без огласки не получится, силовым структурам сразу станет известна суть нашего разговора, и в любом случае наноману для лечения внучки он не получит.

Лев Ильич умело снижает накал дискуссии, на пол минутки перенеся разговор на здоровье, бла-бла, свежий воздух полезен, а тут, в Сокольниках, на его даче, воздух-то ого-го, и приступает к следующей попытке, на этот раз с позиции доброго дедушки. Молодец, хотя явно будет проверять систему под своим руководством на предмет еще как-то надавить, найти слабое место. Ну ищи. Моих документов никто тут в глаза тут не видел, никто меня не знает. На КПП элитного поселка я просто сделала круглые глаза и показала дневник с другой заглавной страницей. Как себя легендировал Львович — я не знаю.

— Это будет сложно. — произносит он, наконец. Отлично, уже прогресс. Сложно, но он будет стараться. Но не успеваем мы порадоваться появившемуся конструктивному и предметному разговору, как он опять срывается на дежурные, и простые для него «конфетки».

Львович простодушно отмахивается. Главное мы сказали и показали, все остальные заходы и варианты нам неинтересны. Нет, не хотим в престижную спецшколу. Нет, не хотим улучшения жилищных условий. Нет, это тоже нам пофигу, мы маленькие еще. Вот это нам не страшно, мы уже объяснили почему, а это неинтересно, но даже лень объяснять.

— Давайте список. Так... Вот это... — он прикидывает, но комбат неумолим.

— Все пункты, Лев Ильич, их немного. И пятого числа Лена у вас, приготовьте Вику. Напомню, что для всех выздоравливать она должна еще полгода, а лучше год. На химиотерапию согласитесь, курсы лекарственные, потом курорты и санатории. Лечебный воздух там, минеральные источники. Чудо-гранат с высокогорий Грузии и все такое. В ваших интересах чтобы выздоровление не было таким внезапным как... про Леонида Ильича шепчутся.

Видно, что упоминание того, о чем шепчутся про Леонида Ильича, даже здесь, на уютной ведомственной даче, секретарю не понравилось. Это хорошо, Полозов так и учил. Напоследок надо ущипнуть собеседника, так он лучше усвоит все, о чем мы так предметно поговорили.

— Олег, но ... действительно сложно будет.

— Селехов не пропустит? — в лоб вопрошает Львович. И пока изумленный тем, что школьник знает какого-то могущественного Селехова, Лев Ильич замолчал, добивает. — Селехов пропустит. На акте приемки Балашихинского роддома его подпись.

— Уже нет. — Ильич, похоже, забыл, что разговаривает со школьником, и ведет себя совершенно деловито.

— Уже да. В смысле, что на том акте, что сейчас в секретариате, подписи его, разумеется нет. Это новый акт, состряпанный задним числом. Но вот незадача. Прошлый акт, с печатью и подписями, почему-то не уничтожен, и может найтись в любой момент. Сами понимаете, он найдется не в роддоме за шкафом, а в партийном контроле, и найдет его товарищ... который вовсе не товарищ товарищу Селехову. — Олег достает из папки качественную фотографию какого-то документа.

Все-таки этот партократ профессионал, видно, что кроме заботы о внучке уже начал прикидывать выгоду от получения такого замечательного компромата на этого загадочного Селехова.

— А оригинал? — спрашивает он, и увидев как Олег молча скосил глаза на свой список, удивленно замолкает. Действительно, нам эта бумажка второй раз не пригодится, и комбат готов ему ее отдать. Чего не помочь еще раз человеку, который поможет нам.

Наверняка какие-то плюшки и себе Лев Ильич с этого Селехова стрясет. Или утопит, я не знаток этих раскладов. Тянет его продолжать разговор, но Олег, еще раз напомнив про консиГацию (ну ничего святого у человека нет, как так можно с таким видным коммунистом), прощается.

— Завтра до обеда, Лев Ильич. Всего три звонка, и Алиса приступит.

Алиса — это я. Меня так представляли, и так я буду дальше работать с Львом Ильичом. Не бог весть какая конспирация, но найти меня без помощи силовых структур, нелегальными способами, не получится.

Выйдя за высокий забор, мы демократично бредем до КПП поселка пешком. Конспирация, действительно конспирация, и видеть школьников, летающих на ведомственную дачу к очень непростому человеку, никому не следует. Прогуляемся километра полтора, потом только полетим.

— Ну вы мастер агрессивных переговоров, товарищ подполковник. — уважительно говорю Полозову.

— Ай ладно. Это одна из самых простых вербовок, тут все просто. Мы даем то, что никто дать не может, ему некуда больше деваться, внучку он безумно любит. Но так всех, кого нам надо, мы не завербуем. Наноманы не хватит и на несколько процентов. А ты попробуй договорится с аппаратчиком из слаженной команды, у которого есть некий ресурс, из которого он ништяки выхватывает. И тут появляемся мы, такие все в белом, и говорим, мол, айда с нами а не с ними. Вот нахрена ему это? Или попробуй наоборот, помочь с карьерным ростом какому-нибудь безродному провинциалу, чтобы он потом тебя слушался. Вот там приходится чудеса пилотажа проявлять.

— Вы не слишком жестко с ним?

— Нет. Наводили справки, смотрели как с людьми работает. Крайне спесивый и властный, миндальничать — только время было терять. И именно на таких и надо тратить свои ресурсы, Лена. Кто нормально работает — и так хорошему делу поможет. Мы ведь — хорошее дело, правильно?

— Ладно, Вам виднее. Тогда я свободна? У наших там какой-то аврал, я полечу, пожалуй.

— Подожди. Спроси, что там у Двиглова. Он с Дерюгиным связался?

Я просто беру комбата за руку и он подключается к моему интерфейсу.

— Дэн, это Полозов. Что Дерюгин сказал?

— Сказал что понимает, откуда ноги растут, работает, но наши менты безнадежно опоздали, и концов им найти не светит.

Денис.

Старшим нашего наряда оказывается тот самый капитан, который разбирался со мной в день, когда мы впервые рискнули полетать. Уткин его фамилия. Так-то он инспектор по работе с доставленными, но сейчас не его смена, и ему, как старшему по званию и возглавлять наш небольшой отряд по борьбе с преступностью.

Где-то в районе оперативники и следователи уголовного розыска сейчас действительно серьезно шерстят все известные места, всех, ранее взятых на карандаш уголовников. Готов материал, не готов — ласты за спину и едем в отдел. Участковые, усиленные ППС-никами прочесывают адреса лиц, состоящих на учете. Те хоть что-то обязательно сегодня выловят, просто по закону больших чисел.

Прокуратура сегодня не будет усматривать существенных нарушений при всех этих, достаточно странных с точки зрения закона задержаниях. Сейчас все винтики и гаечки Системы работают как единый, не имеющих разногласий механизм. Никто и никогда не может поднимать руку на государственного служащего, который находится при исполнении своих служебных обязанностей, это в приоритете перед всеми ведомственными разногласиями и недопониманиями.

КГБ тоже поднято и мобилизовано, проверят известные им криминальные каналы. Интересно, где-то сейчас есть общий штаб, координирующий действия всех структур? Судя по тому, что начальник УВД в райкоме, штаб этот там. А возможно, и куда выше.

У нас задача простая. Досмотр всех подозрительных лиц. При обнаружении хоть чего-то странного — немедленное доставление в отдел. Район поиска таких подозрительных для моего экипажа — Дыдылдино и Таблово. Теоретически да, это вероятное место, которое легко могло быть достигнуто злоумышленниками после расправы над гайцами. И сейчас у меня дилемма.

Если мы углубимся в деревеньку Дыдылдино, то там сейчас... Этот подпольный склад с техникой, который мы в ночь на вчера сдали Коту и Бульдогу. Там пара грузовиков товара, наверняка вывезти не успели еще. И теперь вопрос: как скоро под внимательным взглядом весьма неглупого Уткина, с подсказками хорошо знающего местные реалии участкового, выяснится факт странного наплыва неместных машин в домик на окраине деревни вчера вечером?

— Влад, можешь как-то у своего Кота узнать, что сейчас в том домике? Вывезли они или нет? Наш наряд, с большой долей вероятности, узнает про странную избушку, и навестит ее.

— Вывозить они не собирались. — подключается Роман. — Просто охрану поменяли, и дальше все тихо. Сходняк будет решать, что делать с этими магнитофонами, они как-никак на деньги братвы куплены. Ну и что делать с этими крысами. Пока, судя по тому, что я ночью слышал, у Креста и Архипа черная метка. Прометей вроде как отмазался, но это пока, так сказать, предварительное следствие проходило.

— Парни, если мы подъедем к околице дома, и у меня прямо спросят, чувствую ли я в доме оружие... И если у охраны оружие будет, то я так и скажу. Быть пойманным на вранье милиции — это поставить крест на нашем деле. — сообщаю я. Пока наш «Москвич» только выехал за пределы городка, до Таблово еще полтора километра, причем последние метров триста по грунтовке, так что если решим реагировать, то действовать надо немедленно.

— Знаешь, никаких проблем в этом не вижу. Спросят — сдашь, как говорится, кто не спрятался — мы не виноваты. Там какие-то мелкие подручные, скорее всего будут. Вся эта публика прекрасно понимает, что новый срок для них — просто вопрос времени. Значит время пришло. Но шанс этим авторитетам мы дадим. — сообщает в интерфейс Ромка и вызывает Лену.

Глава 3 Нам нельзя в Бельдяшки.

Лена.

Нет, я конечно знала на что шла. Знала, что удовольствия от второй молодости и самое лучшее в мире советское мороженое под песни Льва Лещенко — это не все, что нас ждет в этом времени. Мы пришли работать. Спасать, делать лучше. Но то, что менеджеры называли в двадцать первом веке «операционкой», начинает доставать. Это когда любое, абсолютно любое дело надо было сделать еще вчера, и таких дел выше крыши.

— Где я тебе две копейки возьму? — вопрошаю я в интерфейс Рому. Подключается Игорь, он что-то хочет мне рассказать про устройство советского таксофона, который, если куда-то наноманой ткнуть, начинает соединять с кем надо, и еще монеток из своего брюха насыплет, но я его обрываю. Разберусь.

Около станции метро «Каширская», которая попадаетея мне во время полета домой, я нахожу уголок у выхода, на котором компактно стоят целых три телефонные кабинки. Три человека у одной, (видимо единственной, работающей) и за мной точно кто-то встанет. А сейчас граждане сознательные, и считают свои долгом посмотреть, положено ли что-то в монето-приемник вперёдистоящим. Не увидев монетки, спокойно сделают замечание. Ведь все кругом наше, народное, и халявщиков не любят. Это не вторжение в личное пространство, на советской улице его априори быть не может.

С вежливым выражением лица, аккуратно приземляюсь в паре метров от конца небольшой очереди.

Золотой у нас народ. Диктор по телевизору сказал? Сказал. В газете «Правда» статья была? Была. Если не читал и не смотрел, то тебе на политинформации в понедельник на заводе рассказали, или зачитали телефонограмму на инструктаже в высоких кабинетах. Да, наши школьники летают. Нечего хайп создавать, который иностранные корреспонденты будут раздувать.

А вообще, у меня такое ощущение, что Демиург Платоныч что-то своей божественной волей в ноосфере распылил. Действительно, судя по ощущениям, реакция человечества странно вялая. Будто бы каждые несколько лет в истории происходят такие ФИЗИЧЕСКИ необъяснимые вещи как полеты людей.

Пилюлькин как-то выложил на форуме большую статью, полный смысл которой я не поняла, там было много очень ученых слов, но основную идею уловила. Так как сейчас, с согласия других Демиургов, изменен ряд базовых законов нашей Вселенной, то у ее разумных обитателей при виде летающего ребенка зарождается интуитивное чувство, что на самом деле все в норме. Далеко запрятанный инстинкт ОБИТАТЕЛЯ этого континуума шепчет, когда мы сталкиваемся даже с очень невероятным, мол все нормально, это не чудо а объективная реальность, данная нам в ощущениях.

Хотя, была б я на пару лет старше, да с фигуркой повыразительнее, так что-то наверняка бы услышала по поводу своего приземления у станции метро Каширская, и не факт что хорошее. Но сейчас у людей есть занятие поважнее, чем сканировать взглядом какую-то соплюшку.

— Хорош молотить, а то я тебе молотилку-то отсушу! — вскидывается стоящий в очереди дедок на какого-то местного плейбоя с патлами и отложным воротником, в расклепанных брюках нескромного колера, который пытался позвонить, используя старый босяцкий способ — в момент, когда твой абонент снял трубку (и двушка из монетоприемника должна ухнуть в недра аппарата), резко рубануть по рычагу. Примерно в половине случаев действительно, соединяет бесплатно.

Плейбой не возмущается, а досадливо зыркнув на деда, ретируется. Не выгорело. Вот и думай, парень, что тебе от жизни надо. Был бы у тебя пролетарский вид, то мог бы и подпис-

кутировать, а сейчас, в своем облике не то стилиаги, не то какого другого типа трутня, тебе ничего не светит.

Неторопливо, обстоятельно, провожу лучом НМЧ по локации. Место людное, вот, рядом ларек с мороженым, беляши и автоматы с газировкой, табачный киоск (правда, все, кроме газировки не работает, поздно). Не может тут мелочи не валяться. Настраиваю систему на поиск металла от полутора до шести грамм.

Обнаруживается именно двушка, рядом с автоматами с газировкой, между пивных пробок и прочего мусора. Ну иди сюда. Я мелкая, мне можно с земли подбирать. Очередь подошла быстро, и я набираю продиктованный Ромой телефон Кота. Трубку берут сразу, голос мужской.

— Кот, примерно через полчаса по адресу, где ты был вчера ночью, будут погоны. Повтори пожалуйста, чтобы я понял, что ты услышал, из таксофона звоню. — шепелявющим голосом произношу я. Шепелявость достигается зажатой зубами палочкой от мороженого, и после каждой пары слов я делаю паузу, чтобы набрать воздуха. Ромка объяснил, что на длинных фразах проскальзывают присущие человеку интонации, которые хорошо помогают опознанию, и их необходимо избегать. Получилось смешно, чем-то похоже на Мясню.

— Повторять не буду, все услышал. Не понимаю о чем вы, но спасибо. Салют. — говорит он и кладет трубку. Вот он случайно упомянуло салют, или это намек, что понял, откуда помощь? Хотя какая это помощь. Мобильной связи сейчас нет, и никак за эти полчаса он своих братков в избушке не предупредит.

— Лен, когда домой полетишь, пройди вдоль Каширского шоссе, мы автомат ищем.

— До сих пор не нашли? — выпорхнув из кабинки таксофона, я набираю высоту, достаточную, чтобы растворится в ночном небе.

— Нет, и это очень странно. Вернее, наводит на мысли.

— На какие мысли? — влезает командир.

— На то, что это оружие было, например, табельным. И состоит оно в табеле такой организации, которая на просьбу милиции предоставить гильзы и отстрелянные пули для картошки МВД, просто покрутит пальцем у виска.

Игорь.

Уже третий час катаюсь в экипаже по городу. Нам дали дальний Проспект, вполне благополучный район, и на улицах тихо. Народ в основном разошелся по домам, набираться сил на третий (учитывая субботу 30 апреля) выходной день. Машина идет медленно, вглядываемся в каждого прохожего, и почти всех проверяем. Не из-за подозрительности, у граждан, попадающихся нам, совершенно мирный, хотя иногда и подвыпивший вид. Просто с нас потом спросят, что делали. А вот, пожалуйста, в служебной книжечке список проверенных.

Спрашиваем документы, у многих не оказывается, но старший наряда, колоритный уса-тый старшина верит на слово. Просто смотрит в глаза, ища хоть малейший намек на вранье, и... верит. А что еще ему делать? Сейчас связь такая, что отсюда до отдела не докричишься, и по картотеке не пробьешь никого. Хотя Рома уверял, что опытный ППС-ник действительно, как медиум, весьма точно может понять, натворил ли чего собеседуемый, или и правда просто по своим мирным делам идет.

Отсутствие документов основанием для задержания не является (хотя мало кто об этом догадывается), но доставить можно. А зачем? Омрачить человеку ощущение социалистического праздника? Сейчас экипажи и пешие патрули в усиленном режиме, если всех таких, не имеющих документов в отдел доставлять — то набьем все помещения за пару часов. И что это даст?

К моим подсказкам (этот чист, этот тоже без оружия) относились по принципу «мели Емеля, твоя неделя». Ну что ждать от пацана среднего школьного возраста, которое начальство, почему-то навязало в экипаж? Вернее не «почему-то», а согласно последним постановлениям Партии и Правительства, как сказал выпустивший нас на маршрут подполковник Семенов.

— Ага, чист, как-же. — Ехидно комментирует очередную подсказку водитель, видя как старшина и рядовой, тихонько переговорив с еще одним одиноким путником, ведут его к заднему отсеку нашего ГАЗика. — А на пальцах «перстни». Этого твое «фиу-фиу» не показывает. Так-то, пионер. Этого точно надо доставлять, сейчас всю подноготную будут вытрясать. К кому шел, от кого, как часто отмечается, где трудоустроен.

Старшина забирается на переднее сиденье, рядом с водителем. В задний отсек, ко мне, залезает задержанный и конвоирующий его рядовой. У задержанного деланно-безмятежный вид, даже пытается что-то насвистывать, но рядовой не чинясь особо, лениво бьет того кулаком по бедру. Намек понят, и мы поехали в тишине.

Пробегаюсь по задержанному своей НМЧ уже подробно. Вроде все нормально, но ехать еще долго, и от нечего делать смотрю еще раз. Три монетки в кармане, дешевые часы на запястье, больше железок при нем нет. Интересно, рассмотрю я номинал монеток? Нет, номинал не рассмотрел, но обнаружил, что у какой-то большой, скорее всего у пятака, сточены края до бритвенной остроты. Карманник? В наколках я не разбираюсь, да и разглядеть их в сумраке этого зарешеченного ящика проблематично.

— Ром, мы карманника взяли — дисциплинированно докладываю нашему главному спецу по криминальным делам. Договорились, что сообщаем ему про все, так сказать, для консультаций с профессионалом в онлайн режиме. Рассказываю про монетку, которая сейчас...

Вот как он это делает?! Машину потряхивает, а боковые сиденья в ГАЗ-69 расположены так низко, что колени немного выше задницы. И монетка в карманах брюк уголовника начинает... медленно ползти к выходу из кармана. Что удивительно, две другие, в другом кармане, спокойно лежат себе.

— А тебя за что приняли, зема? — добродушно спрашивает он меня. На что конвойный еще раз засаживает ему в бедро. Этого карманник и добивался, монетка от сотрясения переваливает за подшитый край кармана и мягонько падает на дермати́н сидения. Сейчас он сделает вид что ерзает, устраиваясь поудобнее, и та заедет в щель между сиденьем и спинкой. Доказывай потом, что его.

— Сейчас последняя «трешка» от завода пошла, наверняка он в ней терся. — вслух рассуждает Ромка. — Если подрезал кого, то надо у Школьной автобус постараться перехватить, и попросить всех в салоне проверить карманы и сумки. Мы как раз рядом, хорошо бы наш экипаж от вашего информацию получил.

А нам в Бельдяшки нельзя. Нельзя светить, что у нас есть совершенно закрытая связь. Телефоны, подключенные в сеть по НМЧ, не создающие никаких помех в эфире, и то Партия не хотела разрешать, понимая, что связь — это почти что власть. Остановили запрет, видимо, только невозможность и абсурдность контроля.

Запретите школьникам телефон с собой таскать в рюкзаке? А только флайменам или вообще, всем гражданам? А из магазина или в ремонт телефон по улице нести можно? А как будет выглядеть административная статья за такое нарушение, возьметесь сформулировать? Как вы определите, связаны у него контакты методом квантовой запутанности с розеткой, или нет? Да и по любому, связь такая проходит через провода, и АТС, случись чего — и прослушать, и отключить всегда может, так что разрешили, скрипя зубами.

Только у меня нет такого телефона. Это все-таки сейчас недешевая вещь, в магазине телефонный аппарат стоит около четвертного, я пока только Ромке сделал из найденных деталей, и командиру сейчас доделываю. Плюс раскуроченный телефон-автомат у меня дома валяется. Его я не брал, потому что официально мне подключаться некуда — квартира телефоном не оборудована, да и вопросы к происхождению этого ящика могут возникнуть.

— Как мы тебе сообщим, и с чего? Не докричимся по рации до тебя, она, такое ощущение, метров на пятьсот добивает, не больше. Сейчас сам попробую. — решаюсь я.

— Товарищ милиционер, задержанный улику на дне машины пытается спрятать, остро заточенную монетку! — голосом ябеды докладываю я конвойному.

В принципе, мне почти трындец. Если сейчас окажется, что этой монеткой он ничего сегодня не порезал, то его отпустят, хоть и допросят с пристрастием. А городок маленький, и меня потом могут хорошенько поискать. Это милиционеров не трогают, считается, что у них просто работа такая. А добровольных Павликов Морозовых очень не любят. Особенно на Лесной. Ну вот куда я полез? Да к черту. Я знал куда лез еще на Арене. Добровольно, и с песней.

Денис.

Про домик, в котором незадачливые незаконные предприниматели сложили два грузовика дорогой аудиотехники, нам местный участковый доложил сразу, как подбежал к машине.

— Вчера к Никифорову, он у нас единственный сиделец в Дыдылдино, много кто приезжал. — и лейтенант описывает абсолютно все машины, задействованные вчера в разборках. Агентура, конечно, мое почтение. Бабка какая круглосуточно на завалинке сидит? Как же с такой агентурой тут два грузовика с техникой разгрузили?

— Двигаем. Зайдем, поздороваемся. Пионер посмотрит. — говорит Уткин, и подхватив участкового мы катим к избушке.

Стоп! Тут-же рядом еще один пост стоял от Архипа с Крестом. Этот незаметный мужичок через три дома, который должен был сигнал шухера передать в случае чего. Вот уже скоро он будет виден в мой интерфейс СО, еще чуть-чуть.

Так. Человечка в домике вижу. Что-то опасное при нем есть? Нет ничего. Осторожный и законопослушный. Огнестрела нет, а просто железок, разумеется, полон дом, каждую не рассмотреть. Да и нет смысла, холодное оружие дома хранить можно. Сабля там, от деда доставшаяся, или кинжал на ковре — это пожалуйста. Придется, видимо, сдавать склад.

— Чувствуешь что, пионер? — равнодушно спрашивает меня Уткин. Вот вообще ни разу не карьерист, и еще один элемент в сложной системе иерархии МВД его волнует только с прикладной точки зрения. Помогает работе? Будем использовать. Мешает? Не будем.

Чувствую два тела. Оружие? Нет у них огнестрела, и я честно докладываю. Ну как честно. Фактически я вижу аномально огромную кучу какой-то радиоаппаратуры, но мы не сообщали о такой своей возможности. Пусть, когда нам будут помещать в дом микрофоны или другую следящую аппаратуру, не подозревают, что мы их можем обнаруживать. Официально мы чувствуем только людей и металл в больших количествах, особо хорошо обнаруживаем стреляюще-взрывающееся.

— Два человека в доме, огнестрельного оружия нет.

— А не огнестрельное?

— Вилки, ложки, ножи. Гвозди, скобы, дверные петли, шпингалеты, замки. — перечисляю я. — Метров с пяти рассмотрю что у них в карманах, а сейчас все это их окружает огромным трехмерным облаком.

Уткин немножко подвисает, вспоминая значение редко распространенного сейчас слова «трехмерное», но быстро приходит в себя.

— Гость значит у Никифорова? Ну пойдем, поздороваемся.

Вижу в СО, как тело за три дома, услышав шум машины, начинает двигаться к окну. Интересно, его не меняли после того, как у этой кучи техники сменился хозяин? Впрочем, это занимает мои мозги, просто потому что им больше нечем себя занять. Неинтересны мне все эти разборки. Убийц гаишников тут точно нет, а эти существа, на которых мы сейчас охотимся, как раз и пытаются уйти от чисто криминальных способов заработка хлеба насущного к просто незаконным.

Воры, которые хотят перековаться в барыг, слышимо ли такое? Нет, если бы у меня была волшебная кнопка «убрать нахрен всех преступников и коррупционеров», я бы ее нажал. Чтобы... Наверное, чтобы остаться в наполовину опустевшей стране. Систему надо не ломать

а менять. Поэтому, когда обнаруживаю еще одно тело, которое устремилось из глубины леса к забору нашего домика, даже испытываю некоторое облегчение. У тела при себе железка, часть которой представляет собой длинный и прочный ствол, в непосредственной близости находятся несколько комочков пороха, заключенные в металл. Похоже на обрез трехлинейки или карабин.

Автоматом первым делом кидаю текстовое сообщение в чат. Голосовую линию перегружать не хочу, там сейчас Рока с Игорем пытаются карманника упаковать, тоже дело полезное.

— За забором человек со стороны леса. Приближается. Вооружен чем-то, похожим на многозарядную винтовку. — сообщаю Уткину. Тот недоверчиво смотрит мне в глаза. Не придумывает пионер, чтобы повысить свою значимость? Здесь не тайга, охотится бессмысленно.

— Останови. — командует он сидящему за рулем младшему сержанту. «Москвич» остановился, не доехав до склада полтора участка. Капитан еще раз смотрит на меня, просит повторить. Продолжая наблюдать за телом с ружьем в интерфейс, повторяю и дополняю. Тихо, словно леший, крадется к забору, бесшумно минуя кусты подлеска, идет вдоль него. Всматривается? А, он пытается найти доску на одном гвозде, прикрывающую лаз в лес. Значит не бывал здесь раньше, знает только по описанию.

Ну и что делать капитану? Школьник что-то несет про то, что никак отсюда не увидит, не услышит. Да, на инструктаже что-то такое зачитали. Ну и что? Как это связано с уставом ППС и Законом о милиции?

Будь Уткин кабинетным работником, наверное, не знал бы что делать. Но он как раз каждую смену разбирается с задержанными, и ориентируется в законодательстве очень хорошо. Фактически я заявил об совершаемом сейчас преступлении — ношении огнестрельного оружия. Личность заявителя установлена, доверие внушает. Будем проверять. Соврал — спросим. Потом.

— Сидоров, закрывай «Москвича», будешь с участковым блокировать тех двоих в доме. Пусть внутри сидят, никуда не выходят. Мы с Колькой пойдем на задворки, пионер за нами и никуда не суется.

Водитель, видно что обиделся своему исключению из касты неприкасаемых, но сердито зыркнув на меня, как на источник лишних хлопот, дисциплинированно закрывает автомобиль, и идет с нами. Что делать он прекрасно знает, и как только крючок на калитке, звякнув, открывает нам дверь, направляется к дому. «Москвича» с хитро модернизированными подфарниками во дворе нет.

— Милиция, оставаться на своих местах! — Следуют сонные (нет, не спали они, я точно вижу пульс и давление сосредоточенных и давно бодрствующих людей) возгласы, всякие «а чего такого, начальник?» и «нет, ну и дела творятся». Но пара сторожей остаются в дверях веранды, не собираясь нарываться. Их заталкивает внутрь участковый. Сейчас будет все выяснять — кто, зачем и почему. Ордер? Какой еще к черту ордер, в Чикаго что-ли живешь? Мы не с обыском, мы просто поговорить же.

Водитель Сидоров тем временем спокойно присаживается на лавочку в трех метрах от двери. Поразительное для моего времени спокойствие и уверенность. Зачем страховать участкового? Да и нытье этих бывших сидельцев слушать неприятно.

Мы, то есть рядовой Колька, капитан Уткин и я, тем временем начинаем обходить дом справа. Тело за забором, похоже, услышало шум, и замирает, держась за отведенную в сторону доску потайного выхода. Запоздало в голову приходит мысль о собаке. Хорошо бы нам сейчас собаку. Та бы сразу рванулась вперед, ведя ничего не видящего в потемках Уткина к чужаку.

«А я? Я же лучше собаки!» — некстати приходит в голову фраза из мультика. Кладу руку на плечо Уткину, как раз высунувшемуся из-за угла дома, и применив НМЧ, поднимаюсь на метр над землей. Будь сейчас светло, человек с обрезом и капитан увидели бы друг друга, но темень сейчас уже конкретная. Метров десять им друг до друга.

Показываю пальцем на еле видный проем в заборе, одними губами шепчу «он там». Уткин сразу же хлопает меня по руке. Он уже понял, нефиг выдавать себя.

— Колька, тут стой и страхуй — шепчет он за спину своему товарищу. Колька понятиливо кивает и... Принимает позу, хорошо напоминающую стойку для низкого старта. Кулаки сжал, полусогнутые руки в замахе. Приготовить оружие? А зачем?!

— Идем тихо, башкой не вертишь. — это он шепчет уже мне, и спокойно выходит из за дома. Но идет не к забору, а начинает спокойно и деловито обходить дом. Иду за ним следом, напряженно сканируя оружие в правой руке «лешего». Что-то не очень похоже на мосинку.

— Пионер, фонарик есть? — безмятежно и громко спрашивает он у меня. Нет у меня фонарика. Так-то дома имеется, как в достаточном количестве имеются фонарики и в отделе милиции. Но батарейки — это постоянный дефицит сейчас, да и лампочки тоже редко в продаже встретишь. Поэтому светить нам нечем.

Вот Уткин доходит до очередного угла дома, но вместо того, чтобы повернуть за него, резко кидается к забору. Не к дырке, а метрах в четырех левее. Резко отталкивается от земли, и с криком «Стоять, милиция!», плюхается животом на ограду.

— Подсаживай, пионер! — сдавленно кричит мне, и я подсаживаю. А молоток Уткин, с моей помощью переваливает через двухметровый забор вполне добро.

— Стой, стрелять буду! — с этим воинственным криком Коленька выбегает из-за угла и ломится прямо к дырке в заборе. Его ПМ, впрочем, совершенно спокойно покоится в кобуре.

«Леший» отпрянул от дыры с первыми криками, и сейчас бежит в лес, хрустя ветками. Облегчено вздыхаю, с этой секунды все, что происходит — не плод моей фантазии. Перелетаю над забором, рассчитывая с высоты взять хорошую фору, но очень мешают ветки. Ныряю вниз, где в меня влетает начавший набирать разгон Уткин.

— За спиной держись, паршивец! — в сердцах кричит капитан, и начинает вгрызаться в обильные заросли орешника.

Глава 4 Я свидетель, а что случилось?

Лена.

Домой залетать не стала, хотя и был соблазн перекусить. Но нет. Родители точно возмущаются тем, что я опять собираюсь куда-то путешествовать на ночь глядя. А так — вроде как я еще по делам в райкоме, даже баночка черной икры из врученного Денису продуктового набора, в качестве доказательства имеется.

Решила кое-что проверить. Ромка правильно рассудил — с гайцами, очень похоже, «разобрались» какие-то силовики, которые делали что-то очень незаконное. Другие тут-же бросили бы автомат, как улику на стопудовую высшую меру. Да и Дерюгин подтвердил Ромины догадки. Ну и где у нас в районе место, где одни силовики делают что-то противозаконное другим силовикам? Нам известно только одно.

Теперь осторожно. Судя по обмену в интерфейсе, там сейчас мои мальчишки выслеживают какого-то бандюка, вооружённого обрезом. Работа для них вполне посильная. А я начинаю приближаться к месту, где могут встретиться опытные и оснащенные по последнему слову техники профессионалы, для которых очередь в гайцов — совершенно рабочие будни.

Поэтому, облетев военную часть с севера, сбавила скорость и раскинула охват СО на полную. Засвечусь в тепловизор, или просто увидят невооруженным глазом — проблем не оберешься. Иду над самой кромкой леса, внимательно мониторя все вокруг.

Вот на границе СО начинают появляться отметки от людей. Это та неизвестная по названию деревенька, у которой и стоит сарай с туннелем и кабелем. Есть тут кто? «Тут нет никого — ответило эхо.» — вспоминаю старинный анекдот. Сарайчик и избушка пусты.

Вот и хорошо, осмотрю все внимательно. Опускаюсь вниз, остановив снижение так, что ноги висят в сантиметрах над землей. Никаких следов оставлять не собираюсь. Последний раз осмотрев пространство вокруг на максимальный радиус, концентрирую весь потенциал системы Ситуационной Осведомленности на нескольких метрах вблизи себя.

А ведь заходили в сарайчик недавно. Что-то сложное и навороченное, предназначенное для работы с электрической энергией, стоит у стены. Видимо на каком-то старом ящике или столе. СО практически равнодушна к дереву, и я вижу только еле заметные силуэты ровных форм. Что за аппарат? Познаний в электрике и электронике мне явно не хватает, главное, что штука эта появилась очень недавно. От сегодня, до... Я проверяла этот сарайчик двадцать седьмого апреля.

Следы? А нет следов. Вообще нет. Ни одного отпечатка на земле, будто бы неизвестные операторы тоже умеют летать по воздуху. Проволочка, которой обмотаны дужки сарая, такое ощущение, висит так уже много лет. Приближаю нос вплотную. Показалось? Какой-то кислотой обработали, похоже, чтобы ее состарить.

А это? И вот этого не было. Сначала, мазнув СО по периметру сарая, я подумала, что кто-то оставил на полке старый радиоприемник. Но это больше всего похоже на... Я сама не видела, рассказывали инструкторы по огневой. Мы просили такие шутки на Арену, но совет Демиургов не дал. Мина направленного действия, МОН и что-то там цифрами. Вделана в корпус старого радиоприемника. Правда никакого датчика движения нет, просто проволочка идет к двери и батарейка с электродетонатором. Начнешь открывать дверь... Прошибает пот, я как раз на пути разлета осколков. Вон они, уже готовые поражающие элементы находятся перед пластиной чего-то взрывчатого. Хватит с меня, я бесшумно отлетаю от домика.

Кто-то должен за этим хозяйством присматривать? Теоретически должен, а практически — вот, через два дома только какая-то семья живет. В принципе через бурьян и заросли, наврное что-то можно увидеть. Шавка по двору бегаёт, в принципе может учуять чужаков и начать

лаять, что является законным поводом для местного пейзажника выйти на задворки хозяйства. Спящий агент в семье? Пусть об этом всем ведомство Дерюгина думает. А мне пора домой.

Игорь.

А не такие эти уголовники и хорошие психологи. Промолчал бы карманник, так может и пронесло бы. Конвойный вообще начал уже позевывать, ему все равно, лишь бы меньше работать. Время идет к перекусу, и он уже мысленно распаковывает свой тормозок, наверняка собранный заботливой женой. Почему женой? Потому что вряд ли какой вменяемый мужик приготовит на работу два небольших термоса (чай и суп?) и еще что-то, видимо горячие бутерброды, замотанные в добрый кусок фольги.

Но нет, уголовник тут-же взрывается ворохом оправданий, угроз, уверений в своей невиновности. Что как раз и провоцирует конвойного заняться делом. Под выкрики что это не его, монетка обнаруживается там, где и должна была.

Старшина с переднего сидения, услышав про закончившиеся успехом поиски, одобрительно смотрит на меня, и, выражаясь высокопарно, санкционирует полный досмотр задержанного, который перерастает в тотальный обыск. Практически нет ничего, не считать же уликами красный червонец и лиловый четвертак из внутреннего кармана засаленного пиджака? Да, сумма превышает ту, что даже очень щедрый к себе человек возьмет на прогулку (да и зачем вообще брать, магазины давно закрыты), но это не улика. Может должок какой друг отдал, бывает-же. Может в картишки перекидывался. Осуждаемо, конечно, но с такой суммой — не преступление.

— Он с напарником был, это однозначно! — делает вывод Ромка. — Сам работал, второму сразу скидывал. Монетку приберите, на ней явно его отпечатки есть, бережно упакуйте.

Ага, «бережно». Конвойный уже деловито сунул ее в нагрудный карман кителя, туда-же переместились и купюры. Неужели присвоят? Вроде в это время так не принято, да и не пьяного обирают, это же стопроцентно преступник, который резал кошельки и сумочки!

— Есть предложение осмотреть автобус третьего маршрута, он как раз только проехал остановку, у которой мы и произвели задержание. И опросить пассажиров, не пострадал ли кто. — Я вопросительно смотрю на старшину.

— С какого это перепугу, пионер? Будет заявление — будем работать. А сейчас задержанного доставим. Не забывай, кого мы ловим. — Он назидательно поднимает вверх палец. ГАЗ трогается, унося нас к отделу. Вот теперь все понятно. Да, старшина опытный. И работает хорошо. Только в свой карман. И уголовник это тоже понял, облегченно заулыбался прямо мне в лицо. Нет у тебя доводов против Костьки Сапрыкина и все такое.

Денис.

Наконец настроил СО так, чтобы видеть контуры деревьев, и тут же, за спиной Уткина, ухожу вправо. Автоматически, так нас учили действовать при схватке в чаще. Слалом между деревьями в ночном лесу — занятие непростое, но «лешему» и Уткину еще сложнее ломится сквозь кусты. Коленька безнадежно отстал, застряв в заборе, и сейчас, скорее ободряет преследуемого, который понимает по удаляющимся выкрикам, что «минус один».

Вот я на траверсе «лешего», скользя между деревьями пролетаю еще вперед. На мне светлая футболка, и чтобы быть не таким заметным, по-воровски запахиваю полы своего пиджачка на груди. Впрочем, скоро это станет бессмысленно, глаза привыкнут к темноте, и все равно я стану виден во время движения.

Ага, видимо глаза «лешего» уже привыкли. И он... Выровняв бег, что-то делает с оружием. Понял, снимает с предохранителя. Патрон у него в патроннике, я это уже понял. Выставив вперед левую руку, преследуемый хватается за ствол сосны. Хорошее, техничное движение, которое сразу тормозит бег и разворачивает его вокруг дерева, лицом к преследующему его Уткину. Как раз, ствол сосны как основа огневой позиции. Он вскидывает оружие, прижав его к дереву.

Это я не в девяностые попал? Что вообще происходит? Против него же ничего нет, считай. На бегу стер отпечатки с ружья и выкинул. Все. Ну гулял ночью задами. Ну есть грешок, поглядывал, что где плохо лежит. Не спер же ничего. А он собрался стрелять в милиционера!

Уткин хрустит подлеском, ему еще метров десять до места, где он безусловно поймает грудью пулю. Бесшумной тенью трачу эти секунды, чтобы залететь за спину этому уроду. НМЧ к бою!

В последний момент понимаю, что это не обрез и не мосинский карабин. Это СКС, и дело еще хуже, оружие полуавтоматическое и стреляет после каждого нажатия на курок, без необходимости дергать затвор. Идея аккуратно заблокировать боек наноманой тоже отменяется, я не понимаю где у этой железки предохранитель, не проходил.

Кидаю НМЧ в металлические часы, находящиеся на левом запястье, и вспорхнув выше роста противника, обрушиваю ему удар тыльной стороной запястья в висок. Удар рукой от себя, наружу. Что-то такое есть в каратэ.

В последнее мгновение, краем глаза, стрелок замечает движение и начинает реагировать. Бамм!!! Это сыплются искры из его глаз, даже я их вижу. Ба-бам! Это стреляет карабин, и выброшенная автоматикой гильза пролетает мимо моего лица. Вроде бы силуэт Уткина, видимый мне в СО продолжает приближаться, значит пуля ушла в никуда, не видел стрелок капитана.

Я его не вырубил, хотя зацепил хорошо. Как говорят в боксе, «если у вас план на один удар — значит у вас нет плана». У вас нет, а у меня есть. Дальше классика безгравитационного боя, как окрестили это прикладное единоборство инструктора на Арене. Обе руки кладу на карабин сверху, и кинув порцию наноманы, оттаскиваю себя от противника. Его немного тащит за мной, но тот быстро находится, старается выкрутить оружие, одновременно стараясь зарядить мне коленом в пах. А так можешь?

Не отпуская хват, кидаю свое тело вверх, вытянув ноги к небу. На бойца, который не представляет, что его противник может летать, это должно произвести обескураживающее действие. Сейчас опять наши руки почти распрямились, еще чуть-чуть, и на обратном движении я с разгону упрусь ему ногами в грудь. Если он не Карелин, то ствол я заберу, против мышц спины и ног его руки не пляшут. Хотя так я открываю ноги и пах.

Хоп! Прошел прием, карабин у меня в руках. Но мне тут-же прилетает в пах, хорошо что я сумел в последний момент изогнуться. А моя правая нога уже в захвате, и мужик хорошо представляет, что с захватом делать. Начинает валиться вперед, одновременно сцепляя руки в замок. Сейчас мое ахиллесово сухожилие будет злостно ущемлено, хотя мужику придется попотеть. Или еще что придумает, он на все руки мастер, пах например, я надежно не прикрою.

А карабин мне на что? Дернувшись в воздухе назад (спасибо НМЧ, рефлексы этого опытного рукопашника не так быстро перестраиваются, как его сознание), отвожу СКС от себя... Ну, за Родину! Винтарь устремляется в свод черепа врага. Хлоп. Валится, ослабляя хват ноги. Провернувшись в воздухе винтом, подтягиваю ее к себе.

Не разгибаясь, даю два метра вперед, чтобы... влететь в подбежавшего Уткина. Тот уже увидел, что веселье идет полным ходом, и приготовил Макаров. С торопливым «а ну-ка», подбегает к противнику, приседает, и аккуратно прикладывает того рукоятью по башке. Стоп, снято.

Роман.

Советская Площадь, Горисполком, Заводская и Школьная улицы. Самый культурный маршрут, тут не окраины, и шалить никому в голову не приходит. Если ты переусердствовал в праздновании Первомай — то не пойдешь домой этим маршрутом. Тут уже дежурят «хмелеуборочные комбайны», и стоит пройти более тенистыми улочками.

Правда, наш наряд не забывает и про них, но кроме искренне радующихся теплу и празднику граждан, никого не встречаем. Старший наряда, лейтенант Коротков (не могу вспомнить

его, наверное, к моему появлению в отделе в «моем» времени, он уже уволился или перевелся) некоторым делает легкое внушение на предмет злоупотребления, но никого не забираем. Поздний вечер, кто хотел и мог упиться — уже достигли нирваны, и сейчас отходят или дома или в вытрезвителе, кому как повезло. А тут мирно и празднично все.

Пытаемся слушать рацию, теоретически в эфире сейчас должен идти нешуточный обмен докладами. Опера-то шерстят действительно криминальные точки, там точно кого-то пакуют, кого-то ловят на горячем, вот бы туда! Но это я более поздние времена вспоминаю. Сейчас рация — это огромный чемодан, который пробивает совсем недалеко, и мы просто ничего не слышим. Основное средство связи милиции сейчас — это телефон. Нам обязаны давать доступ к нему в любом учреждении, обычные граждане тоже спокойно пускают позвонить в квартиру.

Вызов Игоря и описание ситуации застало нас около давно закрытого винного магазина в Пионерском переулке. Знаменитая на весь город «тридцатка». То-ли магазин носит такой номер, то-ли дом, в котором он располагается, табличек нет. Ловить здесь нечего, но вариант постоянно колесить по городу не рассматривается. И бензин жалко, и машину. Планировали постоять минут десять, послушать тишину, и проехать мимо райкома к железнодорожной станции.

От желания сделать что-то начинают дрожать ноги. Чувствую охотничий азарт. Я в милиции мечтал работать, и сейчас вижу свое будущее в тесном взаимодействии с ней. Особенно вот эти оборотни в погонах бесят, на который Игорь нарвался. Вот этот куркульский взгляд на все происходящее и довел нас до того, до чего мы дошли в 90-е. Заготовки у меня есть, я правда много над этим размышлял и готовился.

Подую немного НМЧ на катушку звонка своего телефона. Аккуратный «дзинь» шокирует постовых. Номер комика Полунина про «асисй», который растащит на мемы вся страна, выйдет гораздо позже, но и сейчас от нереальности ситуации, когда школьник достает из своего рюкзачка телефонную трубку, и начинает говорить, у милиционеров брови лезут вверх.

— Алё! — добродушно говорю я в молчащую трубку, отходя на пару шагов от наряда. Потом уже громче: — Але, не слышно!... Ростов! Приданный стажер Ростов, так точно!

Коротков понимает, что звонят из отдела, и идет ко мне, но я же не случайно отвернулся спиной. Ну что со стажера взять, я думал что мама звонит, хотел подальше отойти.

— Обработать... Понял про кражу! — и подняв голову, как-бы случайно замечаю подошедшего лейтенанта. Начинаю говорить ему, но тот просто берет у меня из рук трубку. Ну бери. Там тихо.

— Заряд кончился. — сокрушенно говорю я. — Какой-то Паров звонил, не расслышал.

— Парнов? Дежурный наш?

— Не знаю. Сказал в автобусе на третьем маршруте кража карманная, просил обработать. Задержанный есть, а жертвы нет.

— Отработать. — поправляет меня Коротков. Ну да, а то я не знаю. Там где ты учился, я преподавал. Лучше отвлекись от размышлений про то, как это стало известно, на эти вот промахи новичка.

— «Трешка» сейчас будет у остановки на Школьной.

Коротков подвоха не видит. Указание из отдела вполне логичное, маршрут наш, и мы проезжаем двести метров к одной из главных улиц города. Остановка рядом, и нагруженный ЛИАЗ уже подкатывает к ней. Аккуратно встаем за автобусом, наш водитель выходит и жестом показывает своему коллеге, мол стой и двери не закрывай. Проблесковый маячок? Не на каждой машине, но они встречаются. На нашей есть, но он выключен. Зачем панику в городе сеять? Подумают еще проходящие мимо граждане, что мы преступников ловим. У нас же нет преступности, вернее она есть, но касается только непосредственных свидетелей и жертв.

— Граждане, пожалуйста, проверьте содержимое карманов и сумочек. На маршруте задержан вор-карманник. — веско сообщает Коротков в притихший салон, и поднимается по ступенькам. Людей плотно но не битком, самое то для желающих пройтись по карманам.

Сказав это, Коротков пытается пролезть на середину салона. Я было дернулся за ним, но потом вспомнил примерный расчет.

— Товарищ лейтенант попросил заднюю дверь закрыть — старательно говорю я в приоткрытое окошко водителя. Тот меланхолично что-то нажимает, и я слышу в глубине салона лязг дверей.

— Ой, у меня... — вскидывается женщина лет сорока, уютно устроившаяся недалеко от передней площадки. Здоровый ридикюль, играющий роль клатча, в который запросто влезает пара килограммов моркови и пачка маргарина с бутылкой ряженки, сейчас взрезан. Как раз там, где располагается карманчик на молнии для кошелька. Автобус взрывается возмущенно-восторженным гулом. Ух ты! Будет что рассказать, хотя женщине явно сочувствуют.

Понятно более-менее. Села, задвинув в угол между стенкой и сиденьем, прикрыла плечом. Сумка дорогая, на пол решила не ставить. А сзади, через пространство между сиденьем и спинкой этот ухарь и отработал. Ясно что работал он не один, сидящий рядом пассажир не мог не заметить этих манипуляций, значит он тоже был в деле. Вряд ли это вот та женщина в светлом плаще или дедок интеллигентного вида, скорее всего вору соскочили. Одного взял наряд Игоря, другой... Может и в автобусе еще.

Лейтенант еще сообщает, это трудно в поднявшемся гвалте, а я уже начал действовать. Раньше надо было все продумывать, теперь только заготовки.

— Откуда едете? — ага, пострадавшая едет от завода. Премия квартальная сегодня была, дали четвертными и один червонец. Был... Теперь нет. Опять народ переваривает новые подробности. Квартальная премия в 85 рублей, ого. То-то сумочка у гражданки такая дорогая.

— Вы? — я вопросительно уставился на женщину в плаще.

— На АТС зашла. — Она явно не готова к таким вопросам от четырнадцатилетнего шкета, но я смотрю уверенно, и лейтенант в форме тут рядом. Дедок, подумав, начинает что-то возмущенно спрашивать, мол а почему им такие вопросы, но я не отвлекаюсь.

— Вам, наверное, место уступили?

— Да, мужчина такой... — да понятно какой, первые же слова описывают того, кого описал мне Игорь.

— Опознать сможете?

— Но я ничего...

— Я же говорю просто про опознание. Разумеется, само преступление Вы не видели. Просто сказать, он ли сидел на этом месте до Вас.

Она не уверена. Шутка-ли, ткнуть пальцем в человека и сказать что вот он... А если ей показалось? Это же... Невинный сядет! Оговорит она. Но проблем с этим нет, опытный следователь без труда вытащит из волнующегося обывателя все что надо. Напомнит те подробности, которые свидетель заметил, но не придаст значения, объяснит что право на ошибку у него никто не отнимает и прочее.

В это время дедок, зачем-то доставший билет, и держащий его как Моисей заветную скрижаль, опять начинает возмущенно выяснять, почему и зачем, да что вообще, собственно, происходит. Народ тоже жаждет дальнейших подробностей, и шум, советы, сетования, опять наполняют салон гулом. Я по опыту знаю, что самый деятельный свидетель — самый бесполезный, так что смотрю уже на следующих пассажиров.

— Вы где зашли? — Коротков действует крайне неуклюже, но его форма и вид словно с плаката, работают за него. Нет, дедок не интересен, сел на прошлой остановке, когда все уже было шито-крыто. А вот на следующем сидении пассажир действительно наблюдательный.

— Я думал, мужички что-то прямо в салоне распить хотят. Что-то передавали друг другу понизу. Потом тот что с края сидел, в светлой кепке, вышел. Да, у Дома Быта. А второй уже на АТС, женщине место уступил.

Еще один свидетель, прекрасно. Забираем потерпевшую и двух свидетелей и идем на выход. Подумав, опять выпускаю щупальца СО по салону. Искать какие-то острые железки в такой толпе неудобно, у многих в карманах мелочь, на руках часы, в сумках... Чего только нет в сумках. Вот тот работяга, судя по всему, небольшие слесарные тисочки с работы свистнул. А может не свистнул, просто купил и в гараж везет. И напильник у него в сумке. Достаточно вытянутый и с острым хвостовиком, чтобы СО его выделило красным как оружие. А приборчик немного настройки — так заточку из арматуры СО тоже пропустит. Тут нужно минут десять стоять, чтобы каждого детально разглядеть.

Поэтому кидаю СО на диагностику находящихся вокруг организмов. Многих происшествие взбудорило и пульс у них немного учащенный, но у того, кого я ищу, он должен зашкаливать. И такой мужчина находится на задней площадке. Сердце у него молотит как у Гагарина по время фразы «Поехали».

Оно. Второй преступник, выйдя из передней двери, тут-же зашел на заднюю площадку автобуса. А что такого? В этой толпе передняя и задняя площадка автобуса — как два разных полушария планеты, никто ничего не заметит. А то потом идти пешком до дома, ноги бить... Решил, поверив в воровской фарт, проехать до дома с уже обчищенной жертвой.

— Товарищ лейтенант просит открыть заднюю — кидаю я в окошко водителя, и наша процессия идет к ГАЗику мимо распахнутой задней двери.

— Вот он, второй. — указываю я Короткову на стоящего недалеко от выхода мужичка. — Приметы один в один.

Лейтенант недоумекает, вроде не успели ему он про приметы рассказать, но это не точно, гвалт в салоне стоял такой, что может и не расслышал он чего. А я расслышал, бывает.

Решив не усложнять сущности, Коротков оборачивается к свидетелям.

— Он?

— Так точно, товарищ лейтенант. — первым находится мужчина. Женщина тоже осторожно кивает. Как-же так, он ведь ей место уступил, разве может такое... Может, уважаемая, может. Вежливость — главное оружие вора, как объяснил кинозрителям Доцент в «Джентльменах удачи».

Мужик, под требовательным взглядом лейтенанта и осуждающие крики из салона, послушно вылезает через заднюю дверь, и покорно идет к «бобику». Понимает что не убежит. Половина автобуса за ним кинется, советских граждан учат помогать милиционерам всегда и во всем.

Глава 5 Товарищу дали слово.

Денис.

— Ром, мы у «склада» в Дыдылдино какого-то диверсанта с СКС повязали. Странный тип, в старшего наряда стрелять собирался. — Проговариваю я в интерфейс, осматривая разбитые часы. Мда. Часики были так себе, «Слава», отстающие в день минуты на три, и заводить их надо было утром и вечером. Они собирали влагу, и каждый раз когда я приходил с мороза, стекло изнутри запотевало. Но все равно это серьезная потеря, от родителей влетит. Не говорить же им, что причина уважительная, вооруженного преступника в висок бил.

— СКС? — Ромка просто орет в интерфейс. Эс! Ка! Эс! Вот я мудила!!!

— Да что такого-то? — недоумеваю я.

— Дэн, это ОНО! С чего мы взяли, что гайцов из «Калаша» валили? Гильзы и пули? Так у СКС такой-же патрон! Ствол такой-же по количеству и шагу нарезов. В одном гайце нашли три пули, в другом две. Магазина хватает. Это оно!

— Что из этого следует? — флегматично осведомляюсь я. Уткин и выбравшийся из заборной ловушки Коленька сноровисто пакуют стрелка, отпихнув меня от этого недетского занятия. Наручников у них нет, и там целый консилиум по тому, как использовать ремешок от антабки «Макарова» чтобы надежно связать преступнику руки за спиной.

— Из этого следует то... Черт, Дэн! Его стопудово прикрывают, и для вас ничего не закончилось еще. Сейчас из чащи выползет еще какой-нибудь отряд диверсантов, и положат там вас всех.

— А нахера это все вообще задумано? Из патологической жестокости? Какого хрена какой-то серьезный вояка пробирается лесом на околицу деревни Гадюкино, чтобы пострелять из карабина по случайно подвернувшемуся милиционерам?

— Ты не понял еще? Валить гайцов эта контора не хотела, просто так получилось, потому что светить то, что они везли, нельзя было никаким образом. И сейчас эти гады срочно пытаются обставить дело так, что уголовники, которые мутили что-то с этими магнитофонами, и в гаишников стреляли. Все один к одному. Этот чел должен был им подкинуть СКС. Все сходится, все довольны.

— Так какой нормальный уголовник на себя такое возьмет? Отрицать будут, у кого-то и алиби найдется наверняка.

— Что могут отрицать мертвые? Их собирались пришить, а ствол этот оставить. У этого деятеля, что вы повязали, есть еще какое-то оружие?

Внимательно еще раз сканирую бездыханное тело. Так, вот какая-то железючка в кармане. Что-то знакомое. А, точно! Если бы я однажды не видел для чего нужна эта странно изогнутая пластина, то сейчас бы не догадался. Зарядная планка, или обойма, хрен ее знает, как она называется точно. С нее загоняют патроны в магазин СКС, так гораздо быстрее чем по одному запихивать. Но сейчас эта планка пуста, на ней нет ни одного патрона. Зачем он ее потащил?

Догадка вспыхивает моментально. Патроны с этой обоймы уже израсходованы по гаишникам. Действительно, карабин этот деятель пер сюда, чтобы подбросить в избушку. Вместе с планкой, чтобы даже у самого тупого следователя не было сомнений к какому делу все это привязать.

— Рома, ты гений! Все сходится, у него в кармане пустая обойма, понимаешь для чего?

— Ладно, об этом потом подумаем. Как и почему он без еще какого либо оружия. Может он собирался их голыми руками уработать, может знал, что в доме что-то есть. Но такие операции без прикрытия не проводятся, так что готовьтесь.

Тут-же Ромка обращается ко всей звездочке:

— Срочно! Кто сейчас сможет набрать Дерюгину?

— Я могу! — тут-же отзывается Спицина.

— Ленка! Голая коленка! Чего не спишь. Откуда позвонить можешь?

— Да вот не спится, бл...ть, пока вы с бандюками там мочитесь! Рядом с домом овощебаза, там у сторожа телефон. Я иногда от него звоню, он за двадцать копеек разрешает. Давай номер, у меня еще есть что сказать товарищу Дерюгину.

— Просто прекрасно! Лети туда СРОЧНО. Я текстом кину в чат что нужно сообщить. А кстати, что ты хотела ему сказать?

— В том сарайчике у Петровского, сейчас, судя по всему, лежит то, что стоило жизни гаишникам.

Игорь.

Трижды уже успел пожалеть, что заварил эту кашу с карманником. Ну да, ловить их конечно надо, но сейчас такие события надвигаются, что будут они висеть на ногах как гири. Ромка и я должны сейчас их изобличать, но гораздо нужнее мы там, в лесу.

Хорошо конечно Ромка сработал, и свидетели есть, и потерпевшая. Так и задумывалось, но кто же знал, что командир найдет что-то существенно перекрывающее все это? Вернее оно его найдет, готов поспорить, что Дэн собирался тупо поспать сегодняшнюю ночь.

По хорошему надо бы мне под благовидным предлогом валить из этого экипажа, ну не знаю, например, сославшись на то, что живот прихватило. И лететь к командиру. Он сейчас один, без связи с отделом. Понимает что происходит а сделать ничего не может. Оружия нет, рядом два наивных советских милиционера и связанный лазутчик с серьезной подготовкой. Сейчас подойдет эта группа прикрытия и перестреляет всех.

— Влад, а ты чего все дежурство молчишь? — спрашиваю я в интерфейс.

— Молчу... Молчу — значит картошка. Докладываю. Наш экипаж, оборудованный мотоциклом с коляской, стоит в Федюково, ребята все молодые, неопытные. Редкие машины. Редко-редко их тормозим. Такое ощущение, что парни вообще не понимают, какие документы должны быть у водителя, и с трудом представляют, кого ловим.

— Свалить можешь?

— Да мне уже предлагали, мол, лети, пионер, домой. Наверное к девчонкам хотят, все языки про них счесали. Сейчас сдристну. К Дыдылдино лететь?

— С небольшим крюком. Мостик у пруда в Пуговичино помнишь? И дуб разлапистый над ним. Посмотри в СО внимательно. Там товарищ Маузер в дупле. Шесть патронов в магазине.

— Больше же было?

— Увы. Испытания. — сообщаю я. — Зато по результатам оных, все системы Товарища работают штатно.

В это время наш экипаж подъезжает к отделу, практически одновременно с экипажем Ромки. На крыльце дымит Винокуров, с как всегда усталым и задумчивым видом. Наш старшина чертыхается. Понятно все. Собирался по-тихому в обезьянник задержанного отвести, мол шлялся подозрительный. Дежурные его пробьют по картотеке, сделают внушение и отпустят на все четыре стороны. Вор в благодарность не вспомнит про изъятые тридцать пять рублей.

Но Ромке это на руку, и он бегом подлетает к подполковнику. Быстро что-то тараторит. Мастерство не пропьешь, наверняка опытный по той жизни оперативник успел подготовить максимально емкий и информативный доклад, цепляющий с первых слов. Так что у хитрожопого старшины теперь точно не выгорит его гешефт. Винокуров смотрит на тараторящего шкета с изумленным уважением. Потом смотрит на выходящую из Ромкиного «бобика» процессию. Переводит взгляд на нашу машину.

Старшина погрустнел, но команду на выход рявкнул вполне уверенно. Повели и мы нашего страдальца.

— Ростов, ты когда столько «Советской Милиции» успел прочитать? — недоуменно спрашивает Винокуров, делая рукой какой-то повелительный жест. Ага, вот от той группки курильщиков выдвигается кто-то молодой. Дознаватель? Следователь? Кто их там разберет, короче это тот, кто сейчас все показания, оправдания, обвинения и прочее, примется сшивать во что-то, что будет называться «Уголовное дело». Будет колоть, допрашивать, сличать.

— С Фоминым поработай, подскажешь как точно дело было. Товарища бери с собой. Экипажи сейчас перекусывать будут, пусть тоже не отлучаются из отдела. — И добавляет, глядя куда-то в сторону: — Мне что-ли, на досуге про милицию журнальчики почитать...

— А еще «Человек и закон», товарищ подполковник. А еще Вайнеров, Семенова, Кивина и Корецкого.

Подполковник смотрит на Ростова даже немного сочувственно. Это же надо, такой фигней в 14 лет страдать. Нет чтобы речка, велосипед, девчонки...

Но сочувствие сочувствием, а увидев, что мой старшина хочет проскользнуть в дверь тихой мышкой, тихонько так бормочет «Куда, нах!», и старшина понимает. Он чего, он ничего, хотел просто, чтобы на столике, удобнее так рапорт писать. Ах, доклад? Виноват, товарищ подполковник. Запинаясь, криво-бедно, но вслух произносит главное. Задержан, пытался, изъято.

— Игорь, ты говоришь только то, что я тебе буду говорить. — инструктируем меня Ромка в интерфейсе. — Устал, спать хочешь, голова болит с непривычки, часто берешь паузы а сам слушаешь меня. Нам сейчас надо слепить такую картину, как будто все само собой образовалось, ну и мы немножко помогли.

В это время на крыльцо выбегает еще один офицер.

— Товарищ подполковник, Уткин из Дыдылдино вышел на связь!

Денис.

Это было просто. Не сказав ни слова занятому капитану, я тихонько проскользнул среди деревьев к дому. Там слышали выстрел, и участковый, оставив обитателей дома на попечение Сидорова, бегом побежал к телефону. В дом того самого наблюдателя. Молодец, знает где в деревне есть связь, и помнит инструкции на такой случай. Сначала — сообщить в отдел, потом действовать.

Догнал я его уже у двери, и четко доложил что произошло. Стреляли в сотрудника, мимо, стрелявший задержан, изъят самозарядный карабин Симонова, нужна опергруппа с собакой.

— Так и сказал?

— Да, товарищ капитан так и сказал.

— А собака зачем?

— Не могу знать. Мое дело Вам передать и обеспечить наблюдение за лесом.

Участковый, с криком «Арсень Дмитрич, отворяй, срочно надо», распахивает открытую (тихо фигею) дверь, и устремляется в дом. Уютно, даже обои на бревенчатых стенах, обшитых вагонкой. Хозяин с махровом халате старательно разыгрывает удивление (понятно же, что следил за всем происходящим у дома и выстрел слышал), и с ойканими и причитаниями дает телефон на длинном шнуре.

Дождавшись доклада в отдел, и удостоверившись, что все передано буквально, я кинулся обратно. Если в отделе не дураки, сообразят про СКС то, что сообразил Ромка. Ну хотя бы в общей части. Отрываюсь от земли, и лечу в сторону леса.

Мазнул СО по дому с техникой. Все тихо, уголовнички сидят на кухне, не помышляя о сопротивлении и бегстве, водитель Сидоров курит на улице. А ведь одному из них тюрьма стопудово светит. Светит тому, чей дом, кажется его фамилия Никифоров. Еще до выстрела из леса участковый заметил кучу коробок, которыми заставлено все в избушке, и похоже, начал выяснять. Это особо крупные размеры, как ни крути. Ну второй ладно, скажет что мимокродил, может отбрешется.

В чашу нырять не стал, пошел над кронами. Сейчас мне важна скорость, а не петляние среди деревьев. Уткин с напарником уже волокут еле переставляющего ноги диверсанта к забору. Чувствую, им еще пару досок выбивать придется, не просунут они его в узкую цель.

— Следы не затопчем, товарищ капитан? — пытается участвовать мозговой деятельностью Коленька.

— А хрена их сохранять? Вон, пионер свидетель, плюс нас двое, плюс пуля в дереве, я заметил, ну и гильза где-то там. Пионер! Ты нас слышишь, кстати? Где ты?

— Слышу, слышу! — бодро кричу сверху. Благо, причин для расслабления не наблюдается. В интерфейсе СО я вижу, что на самой границе чувствительности, на северо-востоке, видимо от Каширского шоссе (я до него не добиваю) к нам начинается какая-то слаженная группа из четырех человек. Некуда больше им идти ночью порой. Пятьсот метров кустами и подлеском, в полной темноте, и если стараться идти тихо... Там заболочено кое-где, и завалы местами такие, что кажется, будто это не лес а древлянская засека от нашествия монголо-татар. Минут десять у нас есть точно, до того как они будут здесь. Если они из той же породы что и задержанный, то будут стрелять не колеблясь, и стрелять весьма умело.

— Командир? — это меня вызывает Ромка.

— Ась?

— Звонок от вас прошел. Тут в отделе кипеж поднялся, в лучших традициях полиции Нью-Йорка. Все, кто может, к вам собираются. Опера, криминалисты, эксперты. Милиция с собакой. Только гармошки не хватает.

— Выехали уже?

— Какой нах... В райком же доложили сразу, оттуда сказали ждать. Сам светлый князь Головлев А Эм собирается лично присутствовать. Шутка ли — такое дело меньше чем за 12 часов раскрыли. Знаешь, на каком оно высочайшем контроле?

Ну кабзда. Нет, ну какого хрена, Алексей Михайлович? Сейчас такие времена, что брифинг для блогеров и СМИ не организуешь. Не собирают брифинги сейчас по такому поводу, не принято трубить во все трубы, что в Советском Союзе в милиционеров стреляют как в каком-нибудь, прости господи, Чикаго. Ну выйди ты из райкома, сними в служебной «Волге» трубку «Алтая» и позвони вышестоящим товарищам по радиотелефону для большего пафоса, чего сюда-то переться? Скажешь что с места звонишь.

Из-за этого желания Первого Секретаря лично сообщить куда-то наверх прямо с места событий, нас сейчас тут убивать будут. Нет, героя-панфиловца я из себя изображать не собираюсь, отступлю, но этих милиционеров, скорее всего, тут положат.

— Ром, к нам группа прикрытия видимо выдвинулась. У нас минут десять максимум.

Повисает тишина, чувствую, как у всех участников чата скрипят мозги.

Может завладеть карабином и принять бой? Тогда этим диверсантам я не завидую. Я их в этих потемках перестреляю как цуциков, они даже не поймут, откуда стреляют. А если и поймут, то ничего не сделают.

НМЧ надо пустить по линии ствола особым, но нехитрым образом, тогда пуля подхватывается полями и летит без действия силы тяжести, деривации и сноса ветра тоже нет. Пойдет ровно по лучу. Это база, которая нам была нужна на Арене, и любой флаймен за десяток секунд работы с НМЧ превратит даже ствол охотничьей гладкостволки в крупнокалиберную снайперскую винтовку.

Ствол тоже будет стабилизирован, как будто карабин стоит на профессиональном видеостативе с хорошей жидкостной головой, и метров за семьсот, если не в голову, то в грудь я попаду точно. Несколько веточек и мелких стволов деревьев пулю не замедлят и не отклонят. Она, отправленная в полет хоть и несильным промежуточным патроном, с помощью наноманы, будет удерживать скорость, которую имела у среза ствола.

Но я стану преступником. Стрелять можно только в ответ, и только милиционерам. Мирный советский гражданин не имеет такого права ни по закону, ни исходя из правоприменительной практики. Ни в ногу, ни в руку, ни предупредительно. Враги нашего движения (а кто сейчас из номенклатуры нам не враг, кроме нескольких единиц, подкупленных Полозовым?) раздуют грандиозный скандал, может и в печать что-то просочится. Нам всем очень поплохеет. Может и не посадят меня, но движуху нашу моментально свернут. Нет, невозможно.

А время уходит, группа прибавила темп, и движется к нам вполне уверенно. Наверное на тропинку какую-то вышли. Уже вижу у них оружие. У минимум двоих что-то длинноствольное, многозарядное. Мда, жаркая ночь выпала. Не то что несколько дней назад в Норвегии, где я вымерз как цуцик.

А действительно, если не в них стрелять? Просто рядом, чтобы залегли, начали реагировать, пытаться отстреливаться. Тогда смогу продержаться до прибытия кавалерии? Уж от стрельбы по кустам какнибудь смогу отвертеться, хотя тоже странно будет выглядеть.

Пишу свои соображения в чат, может коллективный разум что присоветует. Если парни одобряют, то надо будет завладеть карабином, а он сейчас за спиной у Уткина. Бить капитана совершенно не хочется. Может в доме этих зеков какой фонарь найдется? Полосну по брезентовому ремню, хватать, и лететь. А как потом буду объяснять свои действия?

— Командир, я на одиннадцать от тебя. — флегматично докладывает Влад. Ага, вижу его отметку, только появился на границе восприятия. Заходит на группу сбоку. — Дистанция до цели триста метров, прошу разрешения на открытия огня.

Влад.

Это я конечно, на кураже сказал, такого мы обычно не практикуем. Но здорово вышло, будто бы я в кабине какойнибудь «Черной Акулы», и рука лежит на гашетке запуска ракет с лазерным наведением. У меня нет ПТУРов, но товарищ Маузер готов к стрельбе.

— Влад, так не получится. — стопорит меня командир. — По отметкам пуль на деревьях сообразят, что стреляли сверху. Надо с земли.

Грёбьшики-воробьшики. Логично, мы же не фтибиан атакуем. На Арене не было следствия и органов дознания, а стрельба в противника считалось единственным правильным поведением. Но здесь надо и пострелять, и так, чтобы никто не догадался что это был ты.

— Обувь у тебя какая? Размер, цвет?

— Кеды «Красный треугольник», синие, высокие, сорок первый.

— Скажи им «прощай». Будешь сейчас ловко постреливать и крутится среди деревьев, оставляя следы, потом убежишь. И без всяких глупостей, типа поймать пульку. Я в школе такие кеды у кого-нибудь дерну, чтобы из твоих знакомых никто не заметил изменений в твоём гардеробе, а эти утопишь в пруду.

— Да ладно тебе, Дэн. Кто эти кеды искать будет.

— Влад, соберись. Там два гаишника мертвых. Это в нашем времени на дело Чичваркина тянет, не меньше. До полного раскрытия все спецслужбы будут носом землю рыть, там все мелким ситечком проверят, весь район. Кто чем занимался. Так что булки собери и работай осторожно.

Ясно-понятно, все логично. Мне бы сейчас найти какую тропинку натоптанную, чтобы с нее вроде как сойти, наследить, и обратно зайти, а там немудрено, если след потеряется. Ага, вот, судя по просветам среди деревьев что-то похожее.

А потом рвану к алюминиевому заводу, там точно никакая собака след не возьмет. И айда домой. Только сначала надо поработать. Смотрю на местность.

— Похоже, отсюда удобно будет. — подсказывает Дэн, который тоже увидел хорошее место.

— Сам вижу, командир. Сейчас.

Я снижаюсь, и стелюсь в тихом полете над самой землей. Вот тут два участка редколесья совпадают с нужным мне сектором, и если знать, куда стрелять в этой кромешной темноте, то самое то. Я знаю, так что нет проблем. И комель дерева рядом массивный, закроет от ответного огня, если эти диверсанты меня вычислят и начнут класть прицельно.

Напитал Маузер наноманой. Вот он дрогнул в руке, и, такое ощущение, зажил своей жизнью. Рукоятку ведет какая-то сила, отличная от мускульной силы ладони и предплечья. Но это сила моя, это сила моей воли, моего осознанного желания, преобразованная наноманочастицами, врученными мне Демиургом. В СО вижу тонкий лучик, это траектория полета пули. Смещаю немного... Вот первый силуэт деловито крадётся, проходит точку прицеливания. Стрелять буду во второго, так сразу двое останутся не у дел. Первый, отсеченный моим огнем от группы, вряд ли кинется штурмовать избушку в одиночку.

Громкий бах и тихий чпок. Бах — это выстрел, а чпок — очень тихий звук, с которым пуля вошла в ляжку этого рейнджера.

Глава 6 Мы летаем-кружимся, нагоняем ужасы.

Игорь.

Встряли мы кажется с этим лейтенантом. Молодой, видно что только из учебки сотрудник, желающий показать себя во всей красе, и он намерен пролить свет на это темное дело. И ретиво кинулся... Нет, не расследовать. Выяснить нестыковки. А они есть, и они вылезают.

— Все доказательства по делу должны быть связаны, непротиворечивы, и стыковаться между собой. — цитирует он какой-то документ, хмуро перекладывая исписанные в ходе допросов и опроса свидетелей протоколов.

— Так доказательства по делу именно что связаны, непротиворечивы, и далее по списку. — спокойно говорит Рома. Интересно, этот Фомин понимает, что сейчас говорит со школьником а не с сотрудником милиции? Да, подполковник сказал работать с нами, но в какой мы роли? Что о нас знает этот Фомин?

— А звонок из дежурки? Коротков его в рапорте упоминает, а в журнале его нет.

— Ну и что? — пожимает плечами Ростов. Это уже относится к организации службы в отделе. Суду, куда вы передадите этих уголовников, никакого дела до этого нет. У суда другое дело. Уголовное. А оно разбирается по существу. — тут явно Рома в ответ блеснул цитатой.

Хмуро вздохнув, лейтенант что-то заполняет. Скорее всего начисто переписывает протоколы опроса свидетелей, временами делает отметки в каких-то других стандартных бланках.

— Ром, чего вообще происходит? — спрашиваю в интерфейс.

— Обычная фигня. — огрызается товарищ. Молодой, хочет носом землю рыть, а не умеет. Опытные и толковые сейчас «на земле», делом занимаются. А этот разиня какой-то, вот его на бумажной работе и оставили. Только этот теленок сейчас и бумажную завалит. Вообще не с того края взялся. Начал с допроса этих уголовничков, хотя надо было потерпевшую и свидетелей. Никакой линии, куда вообще гнуть, он не выстроил, и в упор не видит. Инспектор Разиня блин!

— Товарищ лейтенант, можно бланк протокола опроса? И вот тот. И пару листиков. И бланк на экспертизу. Тоже два.

Под недоуменным взглядом Фомина, Ромка начинает что-то убористо писать, пристроившись с края стола.

— Что это?

— Показания свидетельницы.

— А почему ты своей рукой пишешь? И бланк экспертизы заполняешь... Кстати, там же нет отпечатков на монетке, стерлись.

— Протокол свидетельских показаний — считайте это наброском детективного романа, товарищ лейтенант. Ну скучно мне у вас, вот, набрасываю для своей книги. Мечтаю, так сказать. А экспертиза... Так не на монетке надо отпечатки искать, а на сумке. На внутренней поверхности. Надрез небольшой, и чтобы купюры вытащить, карманнику пришлось пальцами внутрь залезать. Там кожа, она хорошо отпечатки держит.

— Но ты пишешь в поле ОТВЕТА от эксперта, а он на выезде.

— Тоже мечтаю. Приедет, проверит сумочку, и напишет. Вот здорово бы было, правда? — Ромка то-ли издевается, то-ли подсказывает этому.. А кто он. Следователь? Оперуполномоченный? Я только звание по погонам определить могу.

До лейтенанта что-то начинает доходить.

— Это запрос в бухгалтерию завода. Номера купюр. Четвертные новенькие, хрустят. Явно из новой пачки. Значит скорее всего подряд номера.

— Это только послезавтра смогу запросить. — оживляется лейтенант. — У них выходной завтра.

— Запросите. И будете ждать ответа еще дня три. Но ТЕОРЕТИЧЕСКИ Вы могли позвонить, застать на рабочем месте бухгалтера, и узнать все в телефонном разговоре. Получить оперативные данные, так сказать.

— И куда мне с ними?

— Не Вам. К Вам. С этими оперативными данными, в этот кабинет, сейчас за шкибот тянете того кто резал. И набрасываете ему всю клиническую картину. Женщина в плаще — ПОДТВЕРДИЛА показания того мужичка, что видел странные движения, обратила внимание, поэтому и припомнила. А не как у Вас, задом наперед.

— Так ты предлагаешь протокол подделать?

— Не подделать а переписать. Она еще в отделе, поговорите еще раз. Никакого подлога, просто чуть по другому сформулировать вопросы. И время поставите после мужчины.

— Протокол — бланк строгой отчетности, это означает...

— Если сейчас «резатель» даст признательные показания, бланк Вам простят. Неопытный пионер чай пролил, бывает. Их по несколько штук в день в корзину улетают, все списывают.

— Он в отказ идет. — Лейтенант сомневается.

— Это он всем видом показывает что в отказ идет. На самом деле, когда прижмем — чистосердечное мигом вывалит, если не дурак. А он вроде не дурак. Треху или семерик сидеть — тут любой сразу умнеет. Уже понимает, что раз он резал, то функция второго... Что? — Рома смотрит оторопевшему милиционеру в глаза.

— Что? — недоумевает тот.

— Организация преступления. Второй, редиска, вынудил первого резать и передавать ему деньги. Причем большую часть.

— Так стукачей не любят на зоне, он так не сделает.

— А он и не стукач. Он берет на себя вину, можно сказать. Я резал, вяжите меня. И все, про остальное пусть молчит, а Вы и не настаивайте. Следствие, без всякого его участия, само дотумкает, что раз купюры подряд по номерам, то второй добычу себе забирал, а значит и руководил. Вины «резателя» в том, что суд там что-то решит, никакой нет. Вот так Вы разговор сейчас и постройте.

Ромка еще продолжает, развивая мысль в том направлении, что «резчик» доброту следователя запомнит, выйдет через три года и если правильно обработать, будет «сливать» информацию про криминальные круги. Потому что да, развернуть ту ситуацию что он товарища заложил, тоже можно.

Лейтенант начинает соображать, но, такое ощущение, что соображает не только про карманную кражу. Просветлев, достает... Кажется, это у него служебная книжка. Что-то ищет в ней.

— Обладают развитым интеллектом, хорошей памятью, способностью быстро и точно обрабатывать полученную информацию, пользоваться обширными накопленными знаниями. В скобках — эрудицией. Умеют хорошо систематизировать и формулировать свои мысли и результаты наблюдений.

— Ну да, товарищ лейтенант, это про нас. Феномен такой, следствие реликтового излучения непонятной природы из созвездия Геркулеса. А Вы что думали, мы из будущего прилетели? — улыбается Рома. — Ландау в 14 лет два высших образования имел, так что наш случай не единственный. Вундеркинды мы, так что плохого не посоветуем. По крайней мере я. С детства милиционером мечтал быть, все что можно прочитал, и сейчас читаю. Кстати, можно полностью эту телефонограмму посмотреть?

Влад.

Хорошая реакция у этой группы. Подстреленный валится, но тут-же катится дальше, к ближайшему дереву. Остальные моментально залегают, и спустя секунды по мне грохочут

выстрелы. Вспышку один из них краем глаза заметил (их учили рассредоточивать наблюдение, смотрела группа практически во все стороны), и тут-же кричит куда стрелять остальным. Нету у вас, ребята теплаков, и я с системой СО сейчас в этом лесу хозяин.

Мне сейчас высовываться не надо, я и за стволом дерева (в которое регулярно прилетает) с помощью СО все вижу, а за деревом безопаснее. У всех — судя по всему Стечкины, еще у двоих — вроде СКС, но со складными прикладами. Даю еще один выстрел, высунув только Товарища, СО помогает попасть в ствол, который первый боец выбрал в качестве укрытия. Чтобы понимал, что под контролем, и не делал попыток утечь к избушке. Сиди себе, и постреливай наугад куда-то в мою сторону.

Пара, которая шла сзади, в максимальном темпе отстреляв по одному магазину и перезарядившись, тут же пятится еще назад, планируя обойти меня справа. В лесу это самая логичная тактика, потому что стандартному стрелку-правше, залегшему за деревом, не видно левый фланг. Так можно выиграть бой практически всухую.

Парирую тем, что держа комель между собой и первой парой, поднявшись на несколько сантиметров над землей, сдаю задом около двадцати метров. Тут пара стволов раскинулась, закрывают хорошо. Вторая пара идет великолепно, то есть для меня плохо. Прыжки-перебежки по пять шагов, залегание и страхование напарника такое четкое, что хочется похлопать. Школа — высший класс.

Дожидаюсь, когда один бегущий перекрывает второму меня, делаю еще один рывок. Еще десять метров. Дожидаюсь следующего такого створения, и еще десять метров. Вымазался уже в земле хорошенько, почву постоянно задеваю, но хорошо что никакой валежник не хрустнул.

Они ошиблись с расстоянием, не предполагая что кто-то может сделать такой точный выстрел с двухсот метров, да еще и я отлетел совершенно незаметно и бесшумно, так что атакующая пара уже почти боком ко мне, до них метров сорок. Сейчас, решив что замкнули петлю, начнут заходить в воображаемый тыл воображаемому противнику. А меня там и не окажется. Что тогда?

Мои познания в тактике боя в лесу на этом заканчиваются. Не знаю что делают в таких случаях. Продолжат выполнение задания? Так у них же раненый. Впрочем, судя по тому, что он уже минуту не стреляет, наверняка оказывает себе первую помощь.

Был бы это настоящий враг, я бы всех давно положил. Но мысль, что передо мной обычные советские люди, выполняющие приказ... Наверняка в такие группы идут люди, преданные стране. Наверняка верят, что делают все к лучшему. Пришить уголовников конечно незаконно... Я бы и сам, в свои лет так двадцать пять — тридцать, на предложение вступить в какую-нибудь «Белую Стрелу», наверное согласился бы. Если стране не помогают лекарства (или она отказывается их принимать), значит нужно оперировать, почему нет?

Что-то изменилось. Очередная смена маневра застала меня врасплох. Видимо они накрыли взглядами всю площадь от первой до второй группы, и сообразили, что меня в ожидаемом периметре нет. Вторая пара моментально разворачивается, и к ним перебежками приближается первая. Мой подранок... тоже идет. Прихрамывает, но идет!

Еще двадцать секунд — и цепь, плавно расходясь, начинает прочесывание. Крайний правый идет практически на меня, ну может чуть правее. И ни одна веточка не хрустнет, просто призраки какие-то. Делать нечего, и я вскидываю Маузер.

— Бах! — отправляю пулю в ногу самого опасного по направлению. НМЧ резко кидает меня левее, одновременно разворачиваю пистолет на следующего. Прицелится не успеваю, сейчас главное — стремительный боковой полет, и посылаю пулю куда-то рядом. Нам бы пламегаситель на пистолет, но не дошли руки. Вспышка хорошо заметна, сейчас будет ответка.

Грохочут выстрелы, меня чиркает по правому плечу, но я опять за вполне толстым деревом. Шлепки в ствол, летит срезанная кора. Они меня не видят, но примерно знают где я, и при их плотности огня, ситуация для меня сложная. Хорошо, всажу пулю в плечо тому, кому

только что засадил в ногу, а то он продолжает выпускать в мою сторону пулю за пулей, прикрывая продвигающихся ко мне товарищей. Вскидываю пистолет и... чувствую резкий, какой-то обидный удар по ладони. Будто бы учитель врезал тупому ученику за неправильный хват оружия.

Первая мысль — «что же я скажу Костику?». Товарищ Маузер, так любовно им восстановленный до практически нового состояния, сейчас исковеркан пулей. У меня кровоточат пальцы, по которым рубанула предохранительная скоба, и похоже, указательный вывихнут. Кина не будет, электричество кончилось...

— Дэн, я пустой! — сообщаю я командиру. — Прижали меня.

— Отвлеку сейчас, я им с тыла зашел. Но ты там не спи, рви когти.

— Карабин отжал? — не верю я.

— Нет, напильником разжился, и банкой с гвоздями, так что не рассчитывай на многое.

В СО вижу отметку командира. Даром он времени не терял, и не надеялся, что я один тут все разрулю. Бесшумно и аккуратно, пользуясь тем что противник идет на меня, плывет над деревьями у них за спинами. Стемнело, света от рассеянных облаков нет, и в небе он практически не заметен, а еще и ветки помогают маскировке.

— Готовься рвать. Раз, два... Три!

Пошел напильник! Наномана, наложенная на него, с силой метает инструмент вперед. Просто с ладони стартовал, как с направляющей. Не пуля, но скорость вполне приличная. Неподранку из второй пары он влетает... в задницу. Ну а куда еще направить напильник? Не в почку же мирного советского спецназовца бить. Хорошо что Дэн сообразил не разгонять свое орудие анального возмездия на полную возможную скорость, оно бы свистнуло в полете, подсказав место расположения командира. А так — абсолютно бесшумно пролетел между веток, и вошел своим хвостовиком без ручки туда, куда надо, с лёгким чавканьем.

— Триста! — сдавленно сообщает своим боец с напильником в заднице. И тут же сзади, за отрядом, грохается банка, звеня своим содержимым. А я уже мчу на всех парах за соседнее дерево, уходя с линии атаки. Три секунды растерянности и оценки ситуации — и я почти вырвался. Еще десяток метров, еще. Кажется, мою тень все-таки заметили, и опять пошла стрельба. Пули посвистывают, попадают в деревья, но я вырвался!

Еще метров двадцать и все. Деревья, стоящие стеной, не пропустят ко мне больше ничего.

— Каазлызы!!! — во всю дурь легких ору я. Подумав, добавляю про позорных волков. Теперь бегом на тропинку, метров пятьдесят я по ней пробегу, оставляя разрозненные следы, а дальше перейду на полет. Интересно, много ли я наследил? Что там подумают серьезные эксперты, когда начнут распутывать следы этого боя? Наверняка на стволе, за которым мне пистолет повредили, и кровь моя имеется. Умеют сейчас по ДНК вычислять человека?

В СО вижу, что командир, несмотря на то, что находился в момент атаки метрах в пятидесяти от диверсионной группы, остался незамеченным, и теперь бесшумно удаляется к своей избушке. Все, мне теперь лесом, курс на юг, и дальними-дальними полями и лесами лететь к дому.

— Дэн, все чисто? Мне руку отсушило, Маузер разбило пулей.

— Чисто да нечисто! Третий раунд, судя по всему. Оборона Порт-Артура какая-то, честное слово. Еще три человека выдвигаются. С оружием. Но ты давай домой лети, только Маузер утопи где-нибудь понадежнее. С меня кеды, не забудь.

Да твою ж мать... Ну нет, домой мне рановато.

Денис.

— Пионер! Тебя где носит! — орет Уткин.

— Да там стрельба какая-то, я тут в сарае вот спрятался. За дровами.

— Молоток. Сейчас наши вот-вот подъедут, разберемся. — капитан скользит по мне взглядом, проскальзывает недоумение. Свой пижонский пиджак кобальтового цвета из двух-

сотой секции ГУМа я подколот тремя английскими булавками, чтобы закрыть светлую футболку, и вид имею странно-бомжеватый.

Ага, шас. «Подъедут», как-же. Уткину-то не сказали, что во главе кавалькады собирается с триумфом прибыть сам Головлев, и капитан рассчитывает на время, которое достаточно экипажам из отдела. Нет, кавалерия не скоро не будет.

Хочется верить, что новая троица на сцене — это просто группа эвакуации. Помогут своим раненым товарищам свалить, и на этом дело кончится. Жду... Смотрю в систему СО...

Вот упорные! Они идут сюда. Зачем? Влад тоже недоумевает, остановив свой полет домой.

— Рома, чего их сюда тянет? — спрашиваю у натеревшего в таких играх товарища.

— Как зачем?! Во-первых им надо своего «лешего» вытащить. Во вторых, если этих двух бандюг в избушке не пришить, то вскрыется, что и в ментов не они стреляли. Вообще все по швам распадется, и поиски только усилятся. «Лешего», подозреваю, не прокуроры и следователи уголовно-процессуальным кодексом колотить будут, а люди в белых халатах какой-нибудь скополамином. И докопаются до очень неприличных игр одной уважаемой конторы.

— Тогда может как-то намекнуть Уткину, чтобы паковал задержанных и вез сам в отдел?

— Ты что думаешь, эти «лесные братья» только по чаще шастать мастаки? Наверняка и на дорогах что-то имеется, перехватят. Мы сейчас тут закончили в отделе, рвем к вам с Игорем.

— И что вы сделаете без оружия? И без права его применять? Как я, напильники в жопы запускать станете? Так нету больше тут в сарае напильников.

— Подумаем. Мы вылетели.

Вижу над домами какое-то мечущееся зарево. Понятно, это фары приближающейся машины, покачивающейся на ухабах. Мда, из нашей избушки оборону Ла-Рошели не изобразить. Машины уже можно различить с СО.

Оружие... В первой машине один ствол, во второй два. Короткоствольное все. Как-то не густо? Будут размахивать корочками? А насколько солидной должна быть корочка, чтобы Уткин безоговорочно отдал задержанных? «Лешего», теоретически, он должен отдать, если в машинах следователи прокуратуры, это их подведомственность. А двух хозяев кучи магнитофонов? Вроде бы ОБХСС этим занимается. Или тоже прокуратура? А передачу как оформлять? И как потом в прокуратуре один пропадет, а двое умрут?

Пока я мучаюсь такой задачей, вижу что из леса к нам двинулось четверо. Подранки своим ходом пошли на точку эвакуации, а здоровые идут сюда. Мне лучше на виду не оставаться. Хотя...

Вот первая машина уже показалась на улочке и я, подлетев на несколько метров, смотрю поверх крыш домиков. «Волга» с антенной спецсвязи. Вторая... тоже «Волга», тоже с антенной. Нет, теоретически это может быть просто радиола и понты владельца, не сильно я разбираюсь, но скорее все-таки первое. Спускаюсь во двор, и иду к дому, видя что Уткин уже бежит к калитке.

Мне тоже интересно кто там приехал, но пока еще кое что надо сделать. На кухне под присмотром Сидорова сидят все трое задержанных. У сидельцев безмятежный вид, а захваченный в лесу видно, что только пришел к себя, и с любопытством озирается. Руки связаны за спиной, и контролировать их от места где сидит Сидоров нельзя.

— Тебе чего, пионер? Тут задержанные.

— Воды попить. — сообщаю я. И тут-же, проходя к плите с чайником, нахально спрашиваю у «лешего»: — Выстрелы в лесу слышал?

Пока он раздумывает, наливаю кружку воды и добавляю: — Подмога не придет.

Тот равнодушно пожимает плечами, но я замечаю цепкие взгляды, которые он осторожно кидает вокруг. Такие не сдаются.

— Иди уже на выход, пионер. — требовательно канючит Сидоров.

— Ой! — восклицаю я совершенно ненатурально. И вытаращившись за спину водителя, сообщаю:

— У вас молоко убежало.

Как только недоумевающий милиционер поворачивает голову, подхваченным чайником бью по затылку «лешего». Нам тут в надвигающемся замесе, опытный боец, которого связывает только кожаный ремешок, совершенно не нужен.

Глава 7 Карнавала не будет.

Лена.

— Вадим, тебе не домой. Тебе ко мне.

— С какого это?

— С такого. Дырка в плече, руки в порезах. Мама твоя завтра утром найдет твою одежду, то-то офигеет. Ты все равно не боец сейчас. Я подлатаю и тебя и одежду, потом полетишь.

Я сижу на крылечке своего дома. Маме доложила что прибыла, мол ложись, я еще чай попою. Сумочка для походных упражнений в кройке и шитье рядом со мной, сейчас посмотрю, что можно сделать с брезентовой курточкой Вадима и с его плечом. Живительный компонент НМЧ позволит провести обеззараживание, зашить или просто хорошо сживить края раны под наноманой я смогу. Пальцы ему тоже обработать надо, они сразу в глаза бросаются.

Неужели придется бросать этого Уткина и остальных милиционеров? Теоретически, в деревеньке должны у кого-то быть охотничьи ружья, вот у меня тут рядом, по соседству — два ружья, системой СО обнаружила еще давно. Хранятся на чердаках, потому что сейф, как того требуют инструкции — непозволительная роскошь для многих граждан. Залететь через слуховое окно, быстро схватить и в дело. Вариант?

— Лена, ты слышишь это? — мои размышления прерывает Вадим. А что я должна услышать? Вынырнув из мыслей, сначала услышала брехание собак. Чего это они? Так с неба грохочет. Что-то молотит по воздуху, постепенно приближаясь. Далеко проходит, в СО не разгляжу, но понятно по звуку, что летит какой-то вертолет. И явно тяжелый. И летит не абы куда.

А это не...? Полковник Дерюгин, с которым я разговаривала пятнадцать минут назад, явно был в курсе происходящего, и не задавал глупых вопросов «а кто это?», «а где это?», и прочих. Деловито уточнил место и пару деталей, поблагодарил, и быстро свернул разговор. Может, это та самая кавалерия из-за холмов?

Денис.

Сидоров падает на стул, обхватив голову руками, будто бы это ему чайником прилетело. Стопудовый служебный залет. Его поставили охранять задержанных, а он не усмотрел. Два сидельца на всякий случай отодвигаются от меня. А я что? А я ничего. Дружелюбно улыбаюсь им, пристраивая голову отрубленного «лешего» на стол. Устал наверное, перенервничал. А чайничек я на плиту поставлю, зачем нам непорядок тут?

В двери слышатся торопливые слова доклада капитана Уткина, дверь распаивается, и я вижу товарища Голованова, из-за которого выглядывает довольный начальник ОВД, полковник Турчинов. Вы же вроде не ладили? Сидоров вскакивает, силясь что-то доложить, но его останавливают сразу два повелительных жеста.

— Двиглов, и ты тут? Что за внешний вид? И что ты тут делаешь? — Голованов недоуменно оборачивается к полковнику. А Турчинов, похоже, и сам не ожидал меня тут увидеть. Значит наше привлечение — полностью инициатива начальника следствия.

— Стреляли. — Говорю я расхожим в те времена мемом из «Белого солнца пустыни». В порядок себя я приводить не собираюсь, пусть и дальше эти булавки, которыми заколоты полы пиджака на груди, прикрывают светлую футболку. — Холодно, товарищ Первый Секретарь.

— Сейчас из отдела следственная группа приедет, будем все детально устанавливать. — это Турчинов, зыряка на меня глазами (а я-то причем?) оглядывает кухню. Человек, который знает о произошедшем больше всего, капитан Уткин, втиснуться в тесное помещение не может, и продолжает свой нехитрый рассказ из коридора. Этот стрелял, эти тут сидели. Видеть свежесконченного «лешего» он не может, и в глазах Сидорова начинает зарождаться надежда, что его косяк останется незамеченным. Я ему на это тоже намекаю всем своим мирным и молчаливым видом.

Еще раз все обзрев (Голованов — довольным отеческим взором, а Турчинов — строгим начальственным, как-бы говоря «ладно, стервецы, неплохо, но смотрите у меня!») отцы-командиры выходят на крыльцо. Секретарь — явно к машине с «Алтаем», докладывать куда-то выше, а Турчинов — руководить с крыльца. Нет у начальника ОВД «Алтая»?

— Ребята, я только что слышала звук вертолета, судя по всему, машина идет к вам. — это Спицина докладывает в интерфейс. Здорово просто. Если нас с поддержкой вертолета атакуют, то шансов ни у кого не будет.

А вторая «Волга» — это, оказывается, и не Турчинова машина. Вторая «Волга» — из-за правого плеча дорогого Ильича. И там, судя по тому, что показывает СО, сейчас тоже кто-то куда-то что-то сообщает. Рядом, цепко осматриваясь, стоит майор Игорь Семенович.

— Двиглов, докладывай давай! — Требовательно так сказал, будто-бы я его подчиненный. Нехотя жму плечами, натываясь на недоуменно-злой взгляд. А вот фигурки. Работать вместе — и работали, и еще, наверняка будем. Но отношений «начальник-подчиненный» между нами не будет. Я не в рядах вашей организации. Хотя...

— Докладываю. Четверо неизвестных, оснащенных полуавтоматическим оружием, занимают огневую позицию в ста метрах на северо-востоке. Предполагаю, что планируется огневой налет с последующим захватом данной точки.

Глаза у майора лезут из орбит. Даже если это его контора тут свои дела обтяпывает, явно этот майор не такая высокая сошка, чтобы его ставили в известность. Скорее всего получил инструкции четко мониторить всю ситуацию и держать в курсе вышестоящих товарищей. Сейчас эта группа, натасканная на диверсионную и контр-диверсионную деятельность перестреляет тут всех. Включая товарища майора и первого секретаря.

Игорь Семенович точно в курсе моих сверхспособностей по обнаружению людей и оружия, но как реагировать, пока не сообразит. Кабинетный работник, причем явно не из второго или девятого Управления, там агенты должны быть боевые. Может, издевается пионер? Шутит? Но ему помогает начинающийся доноситься из-за леса звук вертолета.

— Судья! Серега! — он решает реагировать, и кидается к «Волге». Что сделают два офицера КГБ с пистолетами? Третий, водитель машины без оружия. Нет, оказывается, кое-что могут.

— Алексей Михайлович, Вам следует немедленно покинуть это место, поступил оперативный сигнал. Код «Орех», повторяю, код «Орех!» — кричит через стекло автомобиля майор, жестом показывая райкомовскому водителю, мол заводи давай. Голованов молодец, видно что тоже инструкции изучал. Власть — властью, но сказал ему майор волшебное слово — и сразу из начальника превратился в без вопросов эвакуируемый живой мешок. «Волга» начинает разворачиваться в узком проезде между заборчиками.

Поименованный Судьиным, сотрудник КГБ устремляется к забору, доставая из наплечной кобуры пистолет.

— Внимание! Угроза нападения, милиция — готовность к отражению! — смачно щелкает затвор Стечкина. Турчинов и Уткин недоуменно смотрят друг на друга, и начинают готовиться к нападению. Это выражается в особо зорком поглядывании по сторонам, а Турчинов даже задумчиво проверяет пистолет в скрытной кобуре. Ну как проверяет. Похлопал себя по груди и продолжает стоять на крыльце.

Но через несколько секунд, под требовательными криками Судьины, все-таки приводят свои ПМ к готовности. Коленька начинает метаться по двору, не понимая, куда и что, я подтаскиваю его к поленнице. Мелькает мысль, что если его подстрелят, то завладею пистолетом.

Вертушка, тем временем, прошла над деревней восточнее, и развернувшись, идет к нам. Темно, но по силуэту в СО, узнаю Ми-8. Гася скорость, приближается к нашей избушке, вот уже и ветром от лопастей повеяло. Человек восемь в салоне, все вооружены. Плохо. Облюбо-

ванное мной место хорошо на случай огня из леса, но с вертушки нас с Коленькой достанут, мы как на ладони.

К земле летит трос, и по нему начинают спускаться вооруженные складными калашами бойцы. Один, второй, третий.

— Берем под охрану, особая группа кого надо! — уверенно кричит один из них, откидывая приклад и забегая на участок. Одни боец за угол, другой — за второй. Третий к первому углу, первый уже пригнувшись бежит к поленнице. С вертушки спускаются еще и еще.

— Нахер с пляжа! — равнодушно кидает нам с Коленькой автоматчик. Ну и ладно, пойдём к крыльцу. Тут серьезные дяди, все умеют и знают.

А вот это очень опасно! Ми-8, висевший над улочкой качнуло, видимо переотраженной струей от земли, и очередного бойца на канате понесло на повод, идущие на столбах вдоль участка. Аккуратно, не делая резких движений, и держа руки на виду, перелетаю от поленницы, через забор, к концу, стелящемся по земле. Надеюсь, что ток он не проводит, СО его бы сильнее выделял.

Хвать! И начинаю оттаскивать канат с повисшим на нем бойцом в сторону от проводов. Пилот уже реагирует, возвращая машину на те два метра воздушного пространства, откуда десантирование между проводами возможно. Отрабатываю в противофазе, гася колебания бойца, и отпускаю трос в последний момент, сразу же по нему вниз ухает автоматчик.

— Должен буду! — кидает он мне, и устремляется вперед, за ним продолжают валиться вниз еще бойцы. У последнего здоровенный короб рации.

Я не знаю, как обращаться к командиру, поэтому просто тыкаю пальцем в лес.

— Там четверо, вооружены карабинами. Сто метров, готовятся атаковать.

Видимо, сопоставив мои слова с обнаженным оружием милиционеров и КГБ-шников, военный на ходу перестраивает план боевого расчета.

— Первое отделение, внимание! Мероприятие по плану «КД», предполагается группа из четырех человек. Туда! Работаем! — командует командир «группы кого надо» и спустя несколько секунд две пары сноровисто валят огромную секцию забора, тут-же заскакивая в лес.

Четверо на четверых? У обоих выучка хорошая, но у «наших» еще и вертушка. Хотя нет, вертушка не участвует. Сбросив последнего бойца с здоровенным коробом рации, машина качнулась, и пошла восвояси через деревню.

А карнавала не будет. Четверо диверсантов, замершие было как мышь под веником, с первым хрустом поваленного забора, тихо но быстро кинулись наутек. Вот что делать? Присоединиться к погоне? С моими подсказками, наверняка «наши» тех загонят. А с другой стороны — какой смысл? Одни советские солдаты положат других советских солдат? Пусть уж их начальники разбираются, захваченного «лешего» достаточно.

Может я и не прав, и если Дерюгин или его посланец сейчас скажут что делать — то сделаю, а инициативу продвигать не стану. В это время Ромка сообщает в интерфейс:

— Командир, мы на подлете. И целая собачья свадьба из отдела тоже подъезжает уже, мы одновременно скорее всего будем.

Кратко обрисовываю ситуацию. Рома сетует, что прилетевший спецназ не взял с собой собаку, так загонная охота обязательно бы закончилась поимкой. Или уничтожением, кто знает, насколько сильно у преследуемых чувство долга, возможно и не станут сдаваться.

— Ром, давай-ка ты сюда, а Игорь пусть аккуратно над лесом полетает, посмотрит, куда эти четверо диверсантов сматываться будут. Не вмешиваться, не палиться, докладывать если все-таки состоится огневой контакт. Вадим, ты до Лены долетел?

— Да, сейчас небольшой ремонтик мне произведем. Главное чтобы Ленина мама в туалет не встала, и не застала свою дочку с обнаженным по пояс мужчиной за сараем. — хихикает Вадим.

— Не вертись уже. Мужчина... — ворчит Спицина, но я вижу, что у нее тоже начинается веселье от отходняка.

Роман.

В принципе, если принимать во внимание, что сейчас вся избушка находится под надежной охраной этого непонятного спецназа, то работают мои милицейские коллеги из 1977 года вполне грамотно. В лес отправилась поисковая партия с фонариками и собакой, искать гильзы и прочие следы.

По хорошему, надо бы с ними, мне будет легко указать на все гильзы и пули в деревьях, но не хочется, чтобы с ходу была получена информация, что за нас выступал еще какой-то неведомый мститель с Маузером.

Инспектора ОБХСС описывают технику, снимают первые показания с задержанных урок. Снимаются пальчики, изымаются улики. Участковый начинает водить двух оперов по деревне, опрашивают свидетелей. Никому не нужный, и не знающий куда еще приложить свою энергию, я уселся на поленницу, и восседаю на ней как гордый орел.

Майор КГБ что-то выясняет у главного автоматчика, и то что он выяснил, ему не нравится. Пытается что-то доказывать, но автоматчик просто, как бы случайно, поправляет на груди свой ствол. Там патрон уже в патроннике, и предохранитель намекаяще откинут.

«Мое кон-фу круче твоего кон-фу» — вот и весь смысл этого диалога. Нет, намек не только на превосходство в огневой мощи. Только что они светили фонариками на верительные грамоты друг друга, и явно, печать и подпись на документе старшего спецназа больше, круглее и разлапистее, чем на документах майора КГБ.

Прикидываю, кумекаю. Значит есть какая-то межведомственная комиссия, в которой почему-то у посланца Дерюгина полномочий больше? Видимо есть, раз Голованов куда-то наверх докладывать кинулся. А зачем эта комиссия? КГБ должно заниматься этим, или прокуратура. Значит.. Значит эта неведомая комиссия расследует не только смерть гаишников, они тут случайно оказались втянуты.

Основной объект, на который совершено покушение — объект Министерства обороны, поэтому военным и дали карт-бланш на операцию внутри страны. Это какая-то контр-диверсионная группа, вроде тех, кто обеспечивают охрану объектов РВСН и прочего очень важного. Им действовать, случись чего, внутри страны, вот и полномочия соответствующие, видимо имеются.

— Роом! — слышу заговорческий шепот Дэна. Подхожу к распахнутому окну кухоньки, и принимаю от командира чашку с чаем. Вот это спасибо. И парочка овсяных печенюшек — вообще здорово. Так, продолжим размышления.

Про угрозы объектам МО у нас очень мало данных, чтобы делать какие-то выводы. Этот таинственный сарайчик скорее всего военные даже не навещали еще, значит какой-то триггер, закрутивший всю эту движуху вообще, скорее всего, не в нашем районе. Но он явно есть. Может Львович потом расскажет, а пока пробегусь по тому, по чему могу.

Картина с визитом «лешего» продолжает хранить нестыковки. Он шел один, это странно. Почему неведомый руководитель операции с подбросом СКС к уркам, не послал больше народа? Потому что был уверен, что «леший» справится один? Так дела не делаются!

Это при том, что группа прикрытия была очень серьезная. Ведь всегда что-то может пойти не так, нужно хотя бы еще одного. Не хотел оставлять лишние следы в лесу? Возможно. Следы большой толпы легче найти, и не только отпечатки обуви. Запаховой след дольше будет висеть, какие-то веточки сломанные. Но хотя бы еще один должен идти. А если...

Иду на крыльцо. Мой уютный праздный вид задевает без толку бегающего по двору начальника строевой Семенова. Он-то что тут забыл? Торжественный марш готовит? Тот тоже недовольно сверлит меня взглядом, но я мирно отворачиваюсь.

— Дэн! С «лешим» что?

— Опять оклемался, но теперь его опытный боец стережет.

— Он с блатным в одной комнате?

— Нет, обоих сейчас допрашивают. Одного на столике у дома, вон, прямо за углом.

— Вижу, стою и слушаю уже. А второй?

— Хозяин дома. Ему сейчас эти коробки с магнитофонами предъявляют, в коридоре.

— Слушай меня. Скажи «лешему», внимательно снимая реакцию: «Сейчас поедете в более приятное место. ОБА поедете».

Делаю еще глоток. Вот какие садисты в СССР пускают в широкую продажу эти металлические кружки? Обжигают губы просто зверски, причем чай не сказать чтобы очень горячий. Их законом надо запретить! Все удовольствие ломают.

— Не знаю, что это было, Ром, но сработало. Екнуло у него серьезно. Явно не ожидал. Моментально поправился, но НМЧ врать не станет.

— Отлично, босс. Отдыхай. А вообще, по хорошему, пора бы нам и домой винтить. Тут уже без нас разберутся.

Подхожу к так и не представившемуся военному. Группа, гнавшая диверсантов уже возвращается, след потерялся у начала поля, за которым шоссе, видели огни отъезжающих машин. Игорь тоже вот-вот отстанет от уносящейся в область машины, ни номер ни марку не разглядел.

— Диверсанта заберете?

Военный смотрит на меня как сквозь воздух. У него есть инструкции, и про общение со мной в них ничего нет, видимо. А значит, учитывая уровень секретности и подготовки, ничем делиться он не станет. С края деревни начинает доноситься раскатистый, солидный рев. Смотрю в СО... Ну а на чем-же таким лихим ребятам передвигаться? Два БТР деловито ползут по грунтовке сюда. Из Петровского прислали?

— Этот, которого сейчас на крылечке допрашивают, тоже по вашей части. Вместе с тем, из леса, работали.

Тишина.

— «Вятка» вызывает, товарищ майор. — подбегает радист, протягивая гарнитуру. Ну хоть что-то про молчаливого собеседника стало понятнее, майор он, оказывается.

— Я могу товарищу полковнику позвонить, если сомневаетесь. — но майор повелительным жестом отсылает меня от себя. Что-то слушает, потом начинает говорить. Слушает, говорит, опять слушает. Я демонстративно поворачиваюсь спиной, но в СО вижу, как он пару раз кидает на меня заинтересованные взгляды.

Закончив разговор, подходит к Турчинову, что внимательно наблюдает допрос уголовного, но не вмешивается.

Что-то говорит, и тут-же два бойца, повинуясь жесту, подхватывают под руки прямо из-за стола. Турчинов возмущается, но его слова никакого впечатления не производят.

— Я заберу это. — Еще один боец снимает с оторопевшего Уткина карабин. «Лешего» тоже уже выводят, и тащат к калитке, там вот-вот покажутся БТРы.

Немая сцена во всей ее красе. Мне тоже такое видеть странно, обычно, передача задержанного в другое ведомство обставляется более серьезно. С документами, подписями. Но все встает на свои места, когда из зева бронетранспортера вылезает высокий полковник.

— Здравствуйте всем! Спасибо что дождались. — и дружелюбно протягивает руку начальнику ОВД. Затем каким-от брежневским жестом, словно с трибуны, машет выглядывающему из-за дома Игорю Семеновичу.

— Ивлев, и тебе не хворать! Ну иди сюда, благодарить тебя буду.

Кислый вид КГБ-шника говорит, что майор век готов жить без таких благодарностей, но ничего не попишешь.

Полковник приехал не один, за ним вылезает еще пара офицеров. Эти видно, что штабные, в кителях, с папочками. Проходят за калитку, один уже прицелился за столик, где только

что допрашивали уголовного. Что-то деловито раскладывает. Вот, теперь, видимо все будет по закону. Мимо прошмыгнули два бойца с миноискателем. Значит и сбор улик сейчас свой начнут.

— Ром, запоминай. Это тот самый полковник Дерюгин.

Догадался уже. Запомнил, конечно. Уши тут греть нам точно не дадут, да и вряд-ли полковник будет объяснять сейчас глобальную ситуацию. Устал, хочу домой.

— Дэн, ну ты поздоровайся там, а я откланяюсь. Это у милиционеров завтра отсыпной, да еще со сладкими снами о премиях за такой подвиг, а мне утром с сестрой генеральную уборку делать и окна расконопачивать.

Глава 8 Секретарь — птица гордая.

Денис.

В райкоме меня приняли только после обеда, видимо начальство решило отоспаться. Только зачем сообщать об этом утренним телефонным звонком родителям? Погулял бы где-нибудь у бочки с квасом (наконец-то в городе появились эти вожделенные бочки!), а так мне тут-же нашлась работа по дому. Гремел в подвале пустыми банками, потом таскал их в гараж, потому что пункт приема стеклотары, работавший не на постоянной основе, сегодня был закрыт. Возмутительно, кстати закрыт, весь город знает что после Первомай можно будет сдать накопившиеся за зиму банки и бутылки.

— Двиглов! — деловито сияющий Брагин будто-бы случайно встречается мне в коридоре. — Ну-ка, ко мне зайди.

Ага, так я и поверил что он случайно попался. Видел я как дежурный кнопочку нажимал на селекторе. И наверное из озорства Трифон Евпасьевич решил перехватить меня у ожидающего в кабинете Первого Секретаря. Я что-то такое и ожидал, сейчас нам предстояли торги. Да и вообще, текущими мелочами не Первый должен заниматься. Еще через пару недель, когда отрапортуются о выполнении задания Партии, наверное вообще в горисполком отфутболят, там свои вопросы решайте.

— Что-ж с тобой делать-то, Двиглов... — бормочет будто-бы под нос Второй Секретарь, раскладывая какие-то бумаги. Как что делать, дорогой ты мой Трифон Евпасьевич? То, что тебе указали сверху, телефонограммой с грифом «для служебного пользования», я уже в чате прочитал.

— Вам же помещение нужно выделять, искать... Кого-то подвигать. Будто фонды у района резиновые. Есть одно цокольное помещение, не знаю, согласится ли Евгений Иванович...

Ну что ты мелешь? Просто хочешь сейчас предстать нашим благодетелем. А следует всего-то спустить распоряжение в горисполком, это их дело. Евгений Иванович местом дорожит, и отдаст все что есть. Но Брагин продолжает юродствовать, и я вступаю.

— Помещение есть, Трифон Евпасьевич, отличное помещение, и не из ваших фондов, никого сдвигать не надо. Мы тут подумали...

— Да что ты говоришь? — удивленно и весело вскидывается тот. — Подумали они. Ну и что же вы подумали?

— Строительная 31 или 11. Там двенадцатиэтажку строят и пятиэтажка тоже под отделкой.

Я достаю из рюкзака... Влад не зря в нашем времени все эти гаражи и навесы мастерил, читать и рисовать чертежи он умеет. Вот, пожалуйста. Все по ГОСТам из строительных справочников, этого добра в книжных магазинах СССР навалом. Ефремова и Стругацких нет, а справочников — хоть обчитайся.

— Внешние работы закончены, краны сейчас используют только для доставки отделочных материалов на этажи, так что все нормы безопасности будут соблюдены. Согласно стандартным нагрузкам и с учетом сейсмологической картины области...

Кратко обрисовываю нашу идею. Деревянные крыши с рубероидом мы заменяем залитой бетонной плитой, и над всем зданием возводим мансардный этаж. Брус, жель, окна. Все с учетом нагрузок, никаких проблем с этим нет. Там мы и развернемся.

— Очень удобно, лестница из первого подъезда, если отдаете 31-й дом — то она типовая, прям на чердак ведет, если 11-ю «хрущевку» — то нам строители сварят стальную, вот так. — указываю отдельный план лестницы.

— Какие к херам строители?! — явно, Трифон просто обалдел от наших аппетитов. Собирался выделить нам какую-нибудь каморку за актовым залом, а тут... Моя губа, по его

расчетам, должна уже треснуть раз двадцать, если брать отношение той площади, которую он собирался дать, к той, что я запросил.

Трехподъездный дом... Это площадь двенадцати квартир, не считая лестничные пролеты и площадки! Даже забыл сделать замечание за политически близорукое именование домов определенного типа «хрущевками». Это полуофициальное название станет уместно произносить вслух уже во времена Перестройки.

— Военные строители. Товарищ полковник обещал выделить материалы и строителей из своего ведомства.

— Материалы, чтобы закрыть крышу? Там сколько кубов бетона только выйдет? У военных еще второй корпус общаги в Петровском недостроенный, они у нас клянчат материалы.

— Обещал столько, сколько потребуется, Трифон Евпатыевич. Вы же понимаете, что Петровское — это Петровское, а товарищ полковник из... — Замолкаю, потому что сам не знаю. Из штаба округа? Из Министерства?

Брагин замолкает, смотрит внимательно. Сам он грозного полковника в глаза не видел, но наверняка ему уже Голованов рассказал о могущественном военном, который забрал ночью задержанных.

— Сказал, что представить нас к чему-то ведомственному не может, так что будут награждать борзыми щенками. Да, так и сказал.

Вру. С Дерюгиным я еще не говорил, да и то буду скорее всего дела иметь через Львовича, не стоит этой операционкой отвлекать человека, занятого серьезным и важным делом. И скорее всего даже Дерюгин не сможет такой объем предоставить, сколько таких «гнезд» по всей стране нам строить? Но это не главное, варианты у нас есть. Соглашайся, Евпатыич! А там — «Коготок увяз — всей птичке пропасть».

Вообще, конечно, ералаш знатный получится, если на одном объекте будут работать два подрядчика, но такое в СССР практикуется. Многие строительные СМУ не производят отделочных работ, или малярных, и на объекте могут копошиться одновременно несколько бригад из разных трестов. Такой метод не особенно любят, потому что постоянно идет стихийное перераспределение материалов и инструмента (если просто говорить — прут друг у друга), но это уже вторично.

— Ну не верю я. Не могут столько дать тебе даже военные.

Собираюсь задвинуть прочувственную речь про то, что уж эти площади ничей фонд не урежут, и вообще, как здорово всем получится, но не успеваю, потому что раздается звонок. Трифон собирается отмахнуться, но Светочка из трубки говорит, что это Володин, и по очень важному делу.

Раз важное — то и мне имеет смысл послушать? Если не важное, то потом раззапомню какнибудь. Кидаю шарик НМЧ к мембране.

— Тришка! — вот так, ни «здрате», ни «как дела».

— Гришка! — тоже без здрасте.

— Пионерам выделяешь что-то?

Трифон кидает взгляд на меня. А я что? Я, словно на защите дипломного проекта, еще раз перекладываю по столу чертежи и бумаги, что-то шепчу губами.

— Да тут такие... Пожелания... Ни в сказке сказать...

— Трифон, как старому товарищу говорю: дай. Если они не требуют себе дворец Али Бабы построить — то давай и быстро. Моего сейчас сам Селехов так разье...л, что тот вазелин ищет. А поздно уже, видимо замечание в дело получит. Всего-то зажал чердак заводской общаги.

— Понял, Гриш, спасибо, не заржавеет. Ну бывай.

Ну вот, волшебный пендель начинает работать — понимаю по оптимистичному лицу повернувшегося ко мне Трифона Евпатыевича. И, кстати, молодцы балашихинские, мне надо

быстро на ходу переобуться. Заводская общага у нас есть, она по площади солидная, и стены с перекрытиями качественные, действительно немецкий проект. Площадь поменьше будет, но хватит надолго. И Второму Секретарю есть на что сослаться. Вон, в Балашихе сам товарищ Селехов (кто это такой вообще?) одобрил чердак похожей общаги, ну и мы, вместе с линией Партии, стало быть. Я продолжаю:

— Есть, конечно, варианты попроще, мы так-же рассматривали водонапорную башню на Заводской, крышу городской АТС, общежитие заводское...

— Двиглов, мне почему-то нравится идея с общежитием. По пролетарски, так сказать. И лестница на чердак там хорошая, капитальная. Что так смотришь? Сын у меня в этой общаге год жил. Дуй в БТИ, я сейчас наберу Краскину, он там главный, пусть бегло просмотрит. Скажи что заключение или другое равновесное предложение в горисполком нужно уже вчера. Там найдешь Евгения Ивановича, он в курсе.

— Выходной же, товарищ Брагин.

— У коммунистов выходных нет. — скорбно и устало бросил мне Второй Секретарь, уже в закрывающуюся дверь.

Влад.

На выходе из дома обнаружил ту самую «законную» черную трешку с Котом за рулем. Вот и хорошо, вот и зверь на ловца бежит. А то дел еще сегодня много предстоит.

— Студент прохладной жизни! — дежурно, но радужно приветствует меня Виктор Игнатьевич.

— Вижу что все обошлось, и Вы в хорошем настроении. — усевшись на сиденье, тут-же протягиваю ему сохранный мешочек.

Мазнув взглядом по моим слегка распухшим пальцам, Кот его раскрывает. Достав листок бумаги, подносит зажигалку.

— То моим девчонкам знать не надо. Пока я жив. Вообще, не поверишь, позавчера в первый раз задумался, что завещания-то у меня и нету.

— С вашим образом жизни это слегка самонадеянно. — замечаю я, чем вызываю еще один приступ веселья.

— Подбросить куда?

— На коксогазовый, если вам по пути.

— Погнали наши городских! — и машина трогается. — Мне все равно в ту сторону по делам. А чего на завод-то?

— На работу устраиваться.

Я и правда ехал устраиваться на работу. В закрытой части Постановления Совета Министров, официальная часть которого уже первого мая была напечатана в «Вечерней Москве», был очень важный для нас пункт. Предприятиям СССР, нуждающимся в электроэнергии, предписывалось, причем строжайшим образом, немедленно заключать договора на поставку электроэнергии с флайменам. Указаны и тарифы, на первый взгляд грабительские для нас, но это только на первый взгляд.

Трудовой стаж пойдет с 14 лет! Подросткам в СССР разрешается работать только очень неполный рабочий день, и только при условии учебы, с дополнительными, весьма жесткими мерами по охране здоровья. Практически невозможно так устроится. Почтальоном или дворником только, если очень повезет. Рублей сорок можно заработать, подметая двор или бегая с пачкой газет перед занятиями в школе. При этом достаточно одного звонка из школы что ученик стал хуже успевать — и вылетишь.

А тут сказано — принимать всех! Миллионерами мы не станем, но возможность обосновывать вполне взрослые суммы у нас появляется. Если сейчас у меня срстется все, то буквально в течении часа в отделе кадров МКГЗ будет сидеть вся наша звездочка. Аппетиты и потребности у нас взрослые, так что выпрашивать деньги у родителей не имеет смысла. Они

просто не смогут столько выделить, даже вполне хорошо зарабатывающие родители Лены и Дэна.

— Кстати, о деньгах. — Кот не глядя ныряет в мешочек, и достает примерно треть от пачки зелененьких полтинников. Протягивает мне.

— Не, не пойдет, огромное спасибо за предложение. Ромка же тогда все объяснил уже.

— Но ты реально заслужил! И Ромка молодец, отлично отработал. Вы просто заработали их, не украли же.

Поколебавшись, поднимаю эту стопку примерно на треть, будто карточную колоду.

— Виктор Игнатьевич, у Вашей дочери есть какая-то мечта? Ну, я имею в виду, ей что-то такое ведь наверняка хочется. Что Вы бы и рады купить, но дорого. Сделайте это пожалуйста, скажите что от меня.

Господи, Кот, что ты знаешь об изобилии 21-го века? После такого судорожно бегать взапуски по барыгам и комиссионкам в поисках смешных по нашим меркам благ... Воровато оглядываясь у черного входа в магазин «Океан» покупать кулек балыка? Мерять, стоя на картонках в закутке блошиного рынка, польские самопальные кроссовки и такие-же грузинские джинсы? С пятидесятипроцентной вероятностью попасться кидалам или ОБХССникам? Да пошло оно все. Дочку вон балуй, ты там все входы и выходы знаешь.

— Технично съехал. — Комментирует Виктор Игнатьевич. — Или у тебя все так серьезно со Светой?

— И со Светой серьезно, и съехать хочу. У нас скоро свои средства будут, нам хватит. Нет — знаем где взять еще.

— Ну да, постановления я читал, принятый закон тоже. Что-то еще будет?

— Ага. Общественное объединение.

— Это когда еще случится... Там такая бюрократия, если бы ты знал. Это же Минюст утверждает. Пока все согласуют, все проверят и рассмотрят. Я немного в курсе, ты не думай что раз я блатной торгаш, то на этом все мои интересы заканчиваются. Мои друзья хотели такое. Знаешь, типа энтузиасты маломоторной авиации. Ну там что-то типа дельтаплана с моторчиком от бензопилы.

— Знаю, читаю иногда «Технику Молодежи».

— Во-во. Так их объединение ДОСААФ заблокировал. Сказал это все у нас есть, вступайте. Пол года рассматривали и от ворот поворот.

— Завтра. — спокойно говорю я.

Кот спокойно ведет машину, размышляя.

— Мда. Я думал — дочка связалась в босяком, прости Господи. А оказывается, ты, Вадим, можешь очень далеко пойти. Если не остановят.

Роман.

— Хорошо Вы вчера с Фоминым этих перцев упаковали. — Винокуров в кабинете курит совершенно открыто, это сейчас норма. Не предлагать чаю с плюшками, кстати, тоже. Но поздоровался он дружелюбно, и такое ощущение, никуда не спешит. Хотя дел наверняка после вчерашнего аврала выше крыши.

— Старались. — деловито киваю я. — Много вчера вообще поймали?

— Три огнестрела выявили, если с вашим считать — то четыре. Это отличный результат. — Солидно сообщает подполковник. Знал бы он, сколько огнестрела будет всплывать при таких облавах в 90-е. И тут скорее всего большая часть — просто охотничьи ружья без документов. Ну да ладно, Алексей Петрович, надеюсь, с реальностью «наших» 90-х вам столкнуться не придется.

— Ну и нагребли отребья всякого так что все камеры заполнены, в областное СИЗО пришлось часть увозить... — продолжает подполковник. Но явно, разговор не об этом.

— А дело об убийстве милиционеров забрали?

Он равнодушно кивает. Ему же меньше работы, а что эти военные раскрутят дело по полной, сомнений нет.

— Слушай, я чего тебя звал. Нет желания у тебя с нами поработать немного?

— И у меня, и у других ребят желание просто огромное. Вчера увидели, как много еще... Ну как в песне, там где «у нас порой».

— То есть, если я вас в ОКОД приглашу через годик, то все пойдете?

Хорошо что он заговорил про ОКОД. Отдельный Комсомольский Отряд Дружинников — отличная инициатива по привлечению рекрутов в ряды сотрудников милиции, хорошо служит укреплению взаимопонимания между милицией и советской молодежью. В рядах ОКОДА можно убедиться, что эти строгие дядьки в форме — в принципе нормальные люди, и ничего необычного не хотят. Просто чтобы на улицах был порядок. А так они и рок послушать не против, и выпить культурно.

— Не через годик, товарищ подполковник. Нам сейчас надо.

Кратко проясняю ситуацию с Игорем. Его там на Лесной могут заклевать под предлогом стукачества, тем более его первая вчерашняя добыча вот-вот отправится по этапу. А так — просто игнор будет. Сделал парень свой выбор, и идет по нему как может, так что руки прочь. Своим он быть перестанет, но нейтралитет будет строгий.

— Но он не комсомолец, да и запись о том что он пионер в школе найти не могут. Рано еще. — подполковник оказывается и это знает.

— Главное в ОКОДе не то, что это комсомол, а то, что это дружина. Если внимательно прочитать постановление, то там только подразумевается комсомол, в качестве вывески, а буквально — советская молодежь.

Я знаю что говорю, два моих друга, не комсомольцы, состояли в ОКОДе, даже несмотря на приводы. Очень хотели туда попасть и попали. Правда причина у них была не такая романтическая как борьба с преступностью, просто тут, в отделе, в цокольном этаже, скоро будет стоять шикарный теннисный стол. Может и сейчас уже стоит, не знаю.

Сразу выкладываю вкусные плюшки для начальства.

— Можем конечно, как мы с Игорьком вчера, просто ходить или ездить с патрулями. Но я например вчера увидел, что главная часть работы — это не патрули. Патрули ведь ни одной единицы оружия не нашли.

— С опергруппами вам кататься? — задумчиво, но, такое ощущение, что довольно проносит Винокуров. Это же прямо ему все плюшки, он как раз по уголовке главный в отделе.

— Именно. Вообще, привлекайте нас там, где нужно что-то найти, что-то осмотреть.

Ведь Вы же нас, товарищ подполковник, Коту посоветовали? Значит еще тогда знали о некоторых наших способностях. Так что не изображайте удивление, берите что дают.

Он начинает делать какие-то пометки.

— Спищину тоже брать?

— Берите, товарищ подполковник, не пожалеете. Боевая девчонка. Она мне сегодня звонила и ругалась, что ее вчера не взяли.

Понятно, что вся звездочка постоянно дежурить в отделе не будет, я проговорю еще с Винокуровым как нас использовать. Но удостоверения нужны всем. Так-то оно мало значит, но штука полезная.

Например, при наличии повязки дружинника, оно дает право бесплатно ездить в общественном транспорте, проходить на любые культурно-массовые мероприятия, такие как дискотеки, киносеансы, спортивные соревнования и концерты. Ну и можно требовать от граждан прекратить преступление или правонарушение, можно их задерживать для передачи органам милиции, даже статья в уголовно-процессуальном кодексе имеется.

Правда оговорка существенная есть. Даже со стажером милиции мы спорить не имеем права, и все его распоряжения выполняем беспрекословно. Все это известно, все это нас устраивает.

— А знаешь, Ростов... А может как раз Игоря не стоит в ОКОД? Пусть он... Изнутри, так сказать... А урке этому, которого вчера поймали, мы рот заткнем, пусть не волнуется. А?

— Удостоверение ему точно надо. А там пусть сам думает. Может и не станем его задействовать, у нас еще тут ребята обнаружили с талантами.

— Вот как?! — тут начальник следствия удивился. Дело конечно не его, но до этого момента считалось, что нас на весь район пять человек.

— Ага. Им видимо меньше излучения досталось, или они его хуже усвоили. Научно-исследовательский центр в Зеленограде говорит, что есть вероятность развиться в полноценных флайменов, но пока не точно. Мы с ними работаем, возможно, что и вам пригодятся. Метров за десять оружие или человека обнаруживают, летают не так хорошо как мы, но прогресс есть. Занимаемся с ними дальше.

Хорош все-таки этот режим секретности, который сейчас по умолчанию действует почти везде. Не может снять товарищ подполковник трубку и позвонить в Зеленоград чтобы проконсультироваться, правда ли это. Принимай на веру.

— Спичечек дашь? — понятно, все-таки зам главного милиционера района со мной говорит. Случись что — а у него уже и спичечек подробный имеется. Мало-ли, вдруг курс Партии поменяется завтра.

— По памяти надиктовать не возьмусь, давайте я завтра фотографии и данные на удостоверения занесу, тогда и их списочком. На еще троих можете сразу удостоверения готовить, они точно будут.

Игорь.

— Братан, от души! — Смола заискивающе глядя в глаза, трясет мне руку. Сбивчиво повествует как они вчера... А хотели, а потом подумали такие... А потом мое предупреждение как вспомнили. И такие... А тут каак... Хопа...

В общем, через несколько минут стало примерно понятно. Чего-то по мелочи спереть хотели, то-ли из психушки на Центральной, то-ли из продуктового магазина. Может банку спирта, может пару бутылок вина, в его сленге было столько образных выражений, что я запутался. Уточнять было не по масти, типа правильный пацан весь этот суржик точно должен знать, но основное понял.

В общем, в последний момент вспомнили они мое предупреждение, одумались. А Серый и Бес не одумались, дураки. Их и принял взявшийся откуда не возьмись экипаж. Пацаны что на воле остались, век меня не забудут и все такое. Наверняка и тех после пары затрещин отпустят, взяв на карандаш, но я делаю вид что да, конечно. Пацаны к успеху идут, и скатертью им дорога.

— Слушай, тут дело есть. Фармазона-печатника знакомого нет? Мы с Кошей тут уже мозги сломали, уважаемым людям подгоничк хотим сделать, ну ты понял.

Смоле интересно. Дико интересно, зачем мне нужен специалист по печатям.

— Чего нарисовать-то надо?

— Не, ну ты чего. То наши дела. Если наколку дашь — благодарен буду. А что рисовать — мы даже фармазону не скажем. Нам только материалы кое-какие нужны. Делать сами будем, там такая омерта что мама не горюй.

Смола не знает слово «омерта», но тоже, согласно пацанских понятий, не спешит уточнять. Омерта и омерта, мало ли у нас, на Лесной омерты? Как дерьма за баней. Сказал что поищет, но надежды мало.

— Или печатник или золотарь. — на всякий случай уточняю я. Ювелиры тоже печать смогут сделать, но такая публика от босяков держится далеко за пределами пушечного выстрела.

— Хм... Есть один. Правда мы его сами пасем, пощипать собираемся. Пробиваем пока. А то окажется что заносит кому надо, а тут мы.

— Ну так дай наколку, а я когда буду заказывать и разузнаю у него, что и как.

Парень аж засиял от предложения. Такое дело можно будет повернуть! Заверив, что вечером сообщит, убежал, раздуваясь от важности. Стране нужны герои, а звезда рожает дураков. Вот чего бы ему в ПТУ не пойти? Сантехником например устроится, там шабашки сейчас такие что можно прикупить кепарь-восьмиклинку, вставить золотую фикса и гордо рассекать по Лесной, уча молодых правильным понятиям. Нет, очень хочет встать на путь «Украл — выпил — в тюрьму».

Вспоминается анекдот из девяностых, как встретились два бизнесмена и договорились о купле-продаже вагона оргтехники. Потом один пошел искать деньги, второй — оргтехнику. Ювелир наверняка захочет хороших денег за печать, а у нас их пока нет. Но есть что предложить.

Глава 9 Ешьте рыбу с плюшками — придет комбат с веснушками.

Влад.

За плечами кадровика, равнодушно перебирающего мои документы, стоят в позе просящих сусликов главный энергетик и зам директора по эксплуатации. По эксплуатации чего — мне не сообщили, но наверное чего-то важного на заводе. А может и по эксплуатации всего завода.

Пристроившийся рядом за столиком бухгалтер лениво щелкает костяшками счет.

— Киловатт-час за одну десятую копейки, согласно постановлению... Двести киловатт в час. Двадцать копеек. На двадцать четыре. Четыре восемьдесят. На тридцать, в среднем. Сто сорок четыре рубля нуль-нуль копеек. Подходящий... Бездетность пока рано вычитать. Профсоюзные...

Кадровик ссылается на документы. Как такую сумму платить за работу на пол ставки? Кормящие матери и пенсионеры устраиваются на полставки уборщиками или поварами, рублей шестьдесят от силы. Вот-же нормировки. На полставки такую сумму получал бы начальник смены, если бы такая должность была возможной на неполный рабочий день.

Снимает телефонную трубку, звонит в какой-то Главк. Ему, как и бухгалтеру, абсолютно все равно. А вот заму с энергетиком нет. Они уже уже смекнули что к чему. Дело не в самих киловаттах. Дело в том, что они практически неподотчетные.

После того как прямо не территории заводской трансформаторной подстанции, я продемонстрировал, что в привезенной Игорем железяке зародились эти самые двести киловатт, глаза у них и загорелись.

— А счетчик? — спросил энергетик.

— Ну если хотите, можете вот сюда поставить. Только зачем? Если только для так сказать, общего сведения. Этому генератору же не нужны абсолютно никакие ресурсы.

За перерасход электроэнергии наказывают, а огромный завод, — это всегда перерасход. Рабочий гайки точит. Может точить быстро, может медленно, и это его дело, если план выполняет. На каждый станок счетчик не поставишь. Но по количеству произведенных гаек высчитывают, сколько должно быть потрачено киловатт, и спрашивают с руководства.

Дело не только в таких, неизбежных нарушениях технологии. Например, все цеха обогреваются электрическими тэнами. Которые никак не регулируются, и рассчитаны на морозы минус тридцать. Это обычный советский подход — не заморачиваться с удобствами быта.

Я в армии служил танкистом, на Т-80, там тоже отопление дискретное и никак не регулируется. Или подключено, и тогда даже в мороз желательно ездить только в натальной рубашке, или не подключено. Подключается накидыванием патрубка в техническом лючке на днище машины, закрученным на несколько гаек. Какой такой тумблер? Зачем он советскому человеку?

От неизменной жары в цеху избавляются просто открыв окна и двери, и зимой завод представляет собой фантастическое зрелище. Весь в клубах подсвеченного прожекторами пара, он похож на очень большой и асимметричный космический корабль, заправленный жидким азотом и водородом. Кажется вот-вот, и отправится к звездам.

А при ПОДСЧЕТАХ расходов на отопление и производство считают, что израсходовано энергии должно быть столько, сколько надо конкретно при такой вот погоде и таком вот выполнении плана. За неизбежную разницу руководство периодически дрючат.

Если мы все впятером кинем наноману на наш генератор, то он будут выдавать мегаватт. Хочешь — лампочку подключай, хочешь — забирай все. Государство потому и установило

такую неслыханно низкую цену, что особо считать эту дармовую энергию не собирается. Идет в дело — и хорошо. По документам завод будет использовать, например, полмегаватта, покрывая недобор от приходящей по ЛЭП энергии, за которую он платит полноценно и точно, а расходовать — всё. Можно даже будет об экономии рапортовать. Премии, переходящее Красное Знамя, грамоты.

Кадровик дозвонился, ему что-то объясняют в главке.

— Ага, вижу. — он подчеркивает что-то в тексте постановления. — Согласно пункту два четыре, понял. Да, помню, есть такое в тарифной сетке. Одиннадцать тридцать четыре, да, можно оформить на сделную оплату труда плюс премии. Через год присвоить третий разряд, помечу.

Все, берут всех пятерых.

— Сегодня ребята успеют? — заглядывает мне в глаза зам. Видно, что от него тоже внедрения требуют в сжатые сроки.

— Еще двое сегодня точно будут, остальные еще там. — показываю пальцем наверх. Если сегодня не успеют, то завтра после обеда гарантированно.

— Тогда завтрашним числом, одним приказом и оформим. Часто появляться будете?

— Раз в два-три дня по очереди будем прилетать, полчаса будем проводить работы по разгону квазичастиц, в течении которых нас отвлекать нельзя. Так-то на неделю энергии хватает, но сами понимаете, перестраховка нужна, у вас же план. График визитов мы предоставим, я там час времени впишу, может какие-то оргвопросы будут, или, скажем, решите этот генератор перенести.

— Кстати, да. Оргвопросы. Рабочую одежду, пропуска, талоны на молоко. Послезавтра все получите, нужно быть в первой половине дня в вашем цеху. Десятого у нас аванс, расчетные листочки накануне в кабинете главного энергетика. График жду, у нас его оформят правильно. Роспись за технику безопасности еще.

Конструктивнее, чем я себе это представлял. Сразу видно — мужики не видимость изображают, действительно важное дело делают. А мне еще на МосМеталлоКонструкцию, там тоже полмегаватта ждут. Будут и у стажеров карманные деньги.

— И по полкопейки за киловатт на расчётный счет объединения. — напоминаю я.

— Как только утвердят в Министерстве право объединения на аккордные подряды дополнительно к основной деятельности. — оживает бухгалтер. Не ранее чем через отчетный год.

Денис.

Хрена лысого я хоть что-то вмняемое снял бы этой дальномеркой, сделанной еще по довоенным лекалам. Фотоаппарат «Зоркий-2С» неплохо наводится на фокусных до 50 мм, а тут, на заигранном у штатного райкомовского фотографа уже 85, да еще для художественности я диафрагму на двоекку открывать собрался... Мазать этот «Зоркий» в таком режиме должен безбожно, но хороший фотик с пентапризмой пока для нас непозволительная роскошь.

Спасибо наномане и системе СО, с которыми я долго игрался, настраивая под работу в фото. Сейчас я, даже не глядя в видоискатель, вижу зону резкости и кадрирование. Введя чувствительность пленки (только 32, только хардкор, иначе зерно громадное полезет, а нам фотографии огромные нужны) шевелю выдержкой.

— Долго еще стоять? — Спицина выглядит как решившая поиграть в дочки-матери девочка-переросток. У нее на руках закутанный в полотенца пупс. Мы находимся на обгорелых руинах балашихинского роддома. Сегодня выходной, и никаких восстановительных работ не проводится.

Вот почему все люди считают, что стоит появиться человеку с камерой на локации, как остается только щелкнуть затвором? Тут до первого щелчка еще работы непочатый край. Смотрю через интерфейс на катушку пленки в недрах фотоаппарата. Так, вот первая дырка между двумя снятыми кадрами. Хорошо что в составе пленки серебро, его состояние СО

видит, и после небольшого фильтра, понимаю что было снято. Тот кто шелкал эти фото — молодец. Понимал, что детальные планы или динамичные кадры скорее всего заперет, и вполне аккуратно делал только общие и средние по крупности, да на диафрагме 5.6. Чуть недосветил, но мелкозернистая пленка такое терпит.

— Бросай пока ребенка. К воде давай, с ведром.

Загоняю Ленку по щиколотки в воду, деловито разглядывая референс. Это вырванная из журнала фотография шедевра соцреализма — скульптуры «Бульжник — оружие пролетариата».

— Вот так встаешь, поняла? Только спинку прогни наоборот, и взгляд выше. Ты на огонь смотришь, сейчас душой ты с товарищами, которые там сражаются с огнем. Переживание за детей и мамочек на лице. Не такое. Мучительное.

— А у меня какое?

— У тебя заинтересованное. Давай мучительное!

Рядом с интересом наблюдает Леха с сооруженным из фольги лайт-диском. В этом времени нашего детства он разбирался в фото гораздо лучше меня, но сейчас, когда я вернулся сюда с четвертьвековым багажом ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО опыта... Пусть и забыл я все эти фиксажи и растворы, но это уже нам профессионал из Дома Быта будет печатать. Сейчас качество нужно премиальное.

— Так, Лена, хорошо, запомни пока. Лёнь, брызги!

Лёнька рад стараться, и поток воды из какой-то ржавой кастрюльки пролетает перед объективом, придавая кадру глубину.

— Хорошо, только ногу вот туда поставь свою. Изогни. Сильнее! — Я «дорешал диагональ», подчеркивая центр внимания, вынесенный за кадр. Не шедевр, я все-таки не гений, но если на проявке не заперет мне Чеграев, и напечатает со свежими реактивами и правильной технологией процесса — рискну предположить, что на подготовительные курсы ВГИКа меня с такой фоткой возьмут.

Нет, все-таки я чертов конченный перфекционист. Или садист, Спицина-то продолжает стоять в холодной майской воде. А я, оторвав кусочек фольги, заставляю его повиснуть в воздухе, закрывая на части лица рассеянный свет солнца. Мне бы еще черный, поглощающий «флаг», да еще кого-нибудь чтобы это все держать...

Первое фото готово. Теперь к обгорелым руинам. Там держать лайт-диск будет уже Лёнька, а курящий Алексей отвечает за спецэффекты — дым от пожара. Перематываю еще три кадра, отшелкав их с закрытой крышкой. Вот тут еще одно пустое место, и как раз по логике повествования я придумала еще сцену.

— Игорь, ты в то окно. Вот такая поза. — проще самому показать, чем командовать бесконечно «головку вправо, попку влево».

— Почему в то? — Игорь просто хочет понять замысел, он привык любой процесс постигать до конца.

— Потому что оно не обгорелое снаружи, и по нему нельзя понять, в какой стадии сейчас пожар. Ты из огня подаешь Ленке ребенка. Да, вот так, чтобы не было видно что это пупс. А Лена тут висит в воздухе и принимает. Лен, сейчас явишь зрителю свой профиль. Смотри, вот так.

— Ты сказал «из огня»?

— Я именно так и сказал. Сейчас композицию выстроим, потом спецэффекты будем накладывать.

— Мне еще и огонь выдыхать придется? Я не Змей-Горыныч — хохочет Лёха. А Лёнька заговорчески улыбается. Он с пятого класса стал убежденным фанатом химии (наверное гены, у него мама — преподаватель этой науки), и к поставленной задаче отнесся со всей ответственностью. В глубине комнаты будет гореть кастрюлька с машинным маслом и бензином в

правильной пропорции, а для усиления контрового света, который должен подчеркнуть силуэт Игоря и точеный профиль Спициной, вспыхнет еще и пакетик магния с содой в качестве замедлителя.

Только не забыть это все прибрать потом, наша фотосессия глубоко засекречена. Переходим к следующему кадру.

— Усталая. Склонила над малышом. В глазах забота и волнение. Вадим сзади, вот так. Да, типа закрываешь от огня и хлещешь в него струей. Можешь не делать зверскую рожу, не видно в камеру. Игорь, вот сюда твоя струя.

— Тоже диагональ решает? А тут окно обгорелое уже, там позже должно быть.

— Нет, струя сейчас решает довершает композицию. Диагональ и перспективу кладка кирпичная передает. А то окно в расфокусе будет. О, точно! Бокешка классная получится. Лён, магний остался? Мне вот там огненные искры, падающие вниз нужны. Траектория примерно вот такая...

Два часа на фотосессию такого масштаба — это очень мало. А больше времени потратить нельзя, свет станет не такой как во время пожара был. Вот еще хороший кадр придумал, сюда его поместим...

Игорь.

Легок на помине. К нашему, ставшему уже традиционному пикнику в конце рабочего дня, неожиданно присоединяется Олег Львович. Каждый раз умиляюсь, припоминая, что в этом пухлом веснушчатом пареньке сидит опытный волкодав в звании подполковника.

— Товарищ командир, а чего это вы в школьной форме? Сегодня же выходной. — спрашивает Дэн, но Львович лениво отмахивается.

— Хоть ты не подкальвай. Уроки на завтра сделал? Смотри, Партия проверит — мало не покажется.

Хороший командир — это тот, который держит подчиненных в тонусе. Я было начал предвкушать, как сейчас получим благодарность за вчерашний ночной аврал, но начальственные плюшки сегодня были жестковатыми.

— Двиглов, что это за дурдом на выгуле вчера был? Шайка дилетантов, блин! Почему в чат не сообщали друг другу о своих действиях, как производимых, так и планируемых? Ты, Двиглов, должен был утверждать или отклонять все их инициативы. Забыли Боевой Устав семидесятого батальона? Я напомню. Я так напомню...

— Отлично же все прошло. — это Спицина предлагает закончить пугать рыбку, поднявшуюся из глубин речки на вечерний клев, к нашим гарпунчикам.

— У тебя — отлично?! Ты просто в рубашке родилась вчера. Чего туда полезла? — Переносит на нее взгляд комбат.- И скажи, как... Как ТЫ, оснащенная системой Ситуационной Осведомленности, умудрилась обнаружить мину, только войдя в зону ее поражения?

— В нашем Боевом Уставе про мины ничего нет, вот и не подумала. На Арене их не было.

— Там в Боевом Уставе и про пионерию ничего нет, а сейчас ты каждый раз, когда тебе кричат «Будь готова», ты отвечаешь «Всегда готова», так?

Ленке возразить нечего, и в знак что поняла, изображает пионерский салют.

— Клянусь пионерской честью... — ее голос был немного ехиден — ...такого не повторится.

— Смирнов! — бушевавший комбат повертелся вокруг, забыв как выглядит Влад не на Арене. — А, вот ты где. Расскажи, как так надо воевать, чтобы словить пули в руку и плечо от слепых как котята бойцов? Как ты с фтибианцами в экзоскелетах с сенсорами воевал-то? Впрочем не рассказывай, я помню. Там ты от них тоже выхватил.

— Никак нет, это я выхватил тогда. — влезает Ромка.

— А, господин Эркюль! Очень приятно. Какого хера ты на этих карманников стойку сделал? Когда в лесу раздача началась, ты и подключиться не мог. Бутерброды со следователем

жрал? Не понравился карманник — ну кинь на него метку СО, потом найди по ней, да придуши к херам. Или волюну подкинь и сдай ментам. Только в свободное от службы время.

Комбат еще раз обводит нас всех, включая офигевших от таких речей Лёньку и Леху, суровым взглядом.

— Вы понимаете, что мы чуть вчера не обосрались все? Окажись тот диверсант хоть чуть подготовленнее, заломал бы он тебя, Дэн, и трындец.

— А что «трындец»?

— Отмазались бы КГБ-шники, а у военных полная жопа огурцов образовалась. Пришлось бы еще ГОДАМИ ждать, когда они снова подставятся.

— Ну так раз тут такой расклад важный, можно было бы нас и усилить. — ерепенится командир звездочки.

— Во первых, это усиление могло бы засветится, а значит, и наша квантовая связь, что напомним, недопустимо. А во вторых сейчас везде аврал, надо хватать что дают, завтра уже не будет. Так что сейчас будете получать общие задачи и... Что?

— Что? — почти хором спрашиваем мы.

— В СССР у нас что?

— Социализм с человеческим лицом, построенный всесторонне развитыми личностями! — блещет Дэн знанием озвучиваемых сейчас Леонидом Ильичом из каждого утюга тезисов.

— Вижу что политинформатор ты знатный, но мимо. У нас сейчас в СССР плановая экономика. Так что принимайте боевую задачу. Она же является планом на ближайший месяц. О результатах отчитаетесь до конца учебного года.

— Какая связь между двумя этими явлениями? — интересуюсь недоуменно.

— На каникулах вас родители запихнут в лагеря да на деревню к бабушкам, ищи вас потом по всему Союзу. Отдыхать отправитесь с выполненным планом!

— Босс, пока не начали планирование. — это опять командир. — А каковы результаты всей этой беготни вокруг военного кабеля и стрельбы по гайцам?

— Пока они промежуточные, но очень важные фигуры сейчас шатаются и вот-вот повалятся с доски как груши. Мы судорожно пытаемся придать этому шатанию и падениям некую упорядоченность, выгодную нам. Если говорить в целом, то команда, которая скоро будет продвигать всех этих младореформаторов, должна утратить часть ключевых постов, тем более, что она как таковая, еще и не сформировалась. А мы приобретаем некоторое, еще очень слабое, но влияние, которое стараемся распространить на нужных нам людей. И потихоньку начинаем подбирать и возможности этим людям помогать. Пока в зачаточном состоянии все, и именно сейчас дорог каждый день. Вон, Спицина вчера хорошо помогла.

Лена опять вытягивает руку в пионерском приветствии.

— Но, Двиглов. — комбат выгнул указательный палец. — На те плюшки, что ты у Дерюгина выпросил — можешь забыть. Очень много любопытствующих возникнет, за что он так вашу «звездочку» привечает. Молодец, попытка хорошая, но не прошла. Давайте сами уж себя обеспечивайте.

Это все он конечно красиво говорит, только вот тот здоровенный лещ сам себя не загарпунит. Делаю почти незаметный шагок к речке.

— Давай-давай, многодетный. — опять включает тупого солдафона Полозов.

— Я не многодетный, я малоимуший! — поправляю его я.

— А это разве не одно и то же? — искренне удивляется подполковник.

Глава 10 Что нам стоит дом построить.

— Ты теперь как английский джентльмен, утром кофе и газеты? — иронизирует мама.

Действительно, за завтраком приходится совмещать приятное и очень приятное. Правда кофе нет, сейчас это страшный дефицит, но и под чай чтение новости о том, что Минюст зарегистрировал общественное объединение идет хорошо. Сейчас набросать протокол заседания, на котором мы единодушно присоединяемся, выбираем председателя объединения, секретаря и бухгалтера, подписать у наших в Москве (после уроков отправлю Леху, ему сейчас куда не полететь — все в кайф), дальше Горисполком визирует и уже официально предоставляет помещение.

Евгений Иванович вчера еще любезно согласился (а кто-бы не согласился после звонка из райкома) выделить целых два телефонных номера — общественный и личный. Скоро все будем с мобильной связью, надо только после уроков отправить контактного Ромку на АТС. При определенной пронырливости и используя пару коробок конфет можно решить вопрос в течении одного дня, благо ничего никуда тянуть не надо, просто к распределительному щитку любого из телефонизированных домов повесить пару контактных площадочек в распаечной коробке, ну и в главном цехе АТС что-то там сделать, так что пара фунфыриков для пролетариата у нас тоже запасено.

Уже по дороге в школу (там лететь-то от моего дома — буквально десять секунд свиста ветра в ушах, и вот я уже у навеса служебного выхода из столовой, нашей школьной неофициальной курилки) вспомнил, что обещал Владу разжиться для него кедами взамен засвеченных в ночном бою. Воровать не хорошо, но придется. А пока — утренняя сигарета, и я делаю шаг под навес. Народ спокойно реагирует, будто-бы сам тоже сюда по воздуху прилетел. Нет, явно что-то успокаивающее Демидур Платоныч расплыл в атмосфере.

В курилке у нас все равны, нет ни старших ни младших. Вопрос кто кого угощает тоже решается без всякого давления, сегодня ты мне — завтра я тебе. Смысл хранить пачку дома, рискуя быть спаленным родителями? Раздай ее сегодня до конца уроков, завтра все будут угощать тебя. Учителя в перемены с этой стороны школу не обходят. Негласный уговор — они делают вид что не знают про курилку, мы же не курим в туалетах. Всех всё устраивает.

Угощаю страждущих купленной вчера в райкоме «Герцеговиной Флор». Восемьдесят копеек, это даже круче «Космоса», зато без проблем со всем этим «мальчик, а тебе не рано» от продавцов.

— Двиглов блатной стал, я смотрю. — какой-то девятиклассник смотрит на меня, буровя взглядом.

— Ага. Прикинь, повезло? — простодушно киваю я. На такое он и не находит что ответить.

— Сегодня дежурным восьмой «А» — как бы невзначай сообщает еще один подошедший. — Анна.

Это стратегически важная информация, кстати. Подниматься в классы принято с правого крыла, там дежурный педагог в окружении девочек своего класса проверяет сменку и наличие дневника, ну и фейс-контроль. Кто по каким-то причинам подозревает, что проверку не пройдет, те прорываются с левого крыла, через дежурных мальчишек.

Если ты старше по возрасту чем дежурный класс — тебе вяло обозначат сопротивление, мол пытались но не смогли. А если равен по возрасту или младше — то отпихнут вполне законно. Так что мне, семикласснику, только в правое крыло. Дневник есть, на ногах аккуратные чешки, так что проблем нет.

— Двига, учил? — спрашивает проходящий мимо Восходов.

Чего там еще надо учить? Традиционно я делал дома только то, что требовалось писать. Алгебра, геометрия, русский. Контурные карты по географии и истории в той жизни не вел, но сейчас решил что пригодится, и закупил их недавно в книжном. Немки и всякие ботанички тоже что-то требовали делать дома, но на них забивали все, даже отличники. Спрашиваю, что надо было учить.

— «Тучку» Лермонтова.

Вот те раз, блин. Мне подставляться нельзя, я сейчас буду под пристальным вниманием всех педагогов.

Суетливо достаю из рюкзака хрестоматию. Ура, стихотворение там есть. Торопливо набираю его текстом в чат звездочки, с пометкой «надо по учебе». Слышу довольное ржание и комментарии.

Леха Котов, только сейчас осознавший, какой неслыханный чит пришел с этой связью, просто в восторге, но я напоминаю ему, что тут общаемся строго по делу.

— Игорь, ты у нас еще на больничном-же?

— Так и знал, что дело ты мне по любому найдешь. Я на завод лечу кстати, могу молока на всех, кому надо, набрать.

— Начинай работать по операции ЭКС. Львович нам рамки жесткие поставил. Подумай, где искать в первую очередь.

Игорь.

ЭКС — это экспроприация у экспроприаторов, термин из глубины веков. Говорят, даже сам Иосиф Виссарионович в молодости для дела революции ограбил Тифлисский Банк. Вот и Львович одной из первоочередных задач спустил нам такой вот план на ЭКС. Звездочка должна в течении месяца передать вполне серьезную сумму на баланс батальона.

Зачем? Первоочередная цель — печатный орган. Рассказывать, рекламировать. Именно для этого, для статьи в журнале, мы вчера и фотосессию снимали. Журнал — дело архисложное. Мало того, что в СССР действует цензура, и каждую статью или фотографию придется согласовывать, нам нужна своя типография, печататься в центральных — не вариант. Засаботируют, сорвут все сроки. Борьба-то за умы и популярность предстоит нешуточная.

Теоретически мы можем покупать для своей деятельности оргтехнику. Зарабатывать как объединению нам можно только после того, как отчитаемся за год о проделанной работе по основному фронту, тогда сможем официально и такие покупки делать. Сейчас же — только на пожертвования и взносы. И как насобирать взносы на целую типографию?

А еще предстоит крутой ремонт, практически стройка. На школьных завтраках так не сэкономить. Вот за такими мыслями и опускаюсь перед проходной завода, получив (надеюсь в последний раз) временный пропуск.

В отделе кадров уже ждут, спустя десять минут главный энергетик, Петр Николаевич Андреев, пожав мне руку, вручает пропуска на всю нашу могучую кучку, пачку талонов на молоко (за вредность производства) и отправляет с табелем получать спецовки. В принципе, Спицина уже изготовила нам стильную и пригодную для не очень пыльной работы форму, в которой я и щеголяю, но и эти комбинезоны пригодятся, особенно при ремонте. Сейчас и отнесу их на этот чердак общаги, еще вчера комендант, довольно перекрестившись, отдал нам ключ от входа на чердак. Ему хлопот меньше.

— Так что, шкафчики в раздевалке не нужны?

— Не-а, уже вот в такой форме будем прилетать, как на мне сейчас.

Энергетик понимает. Спецовки выдают тоже хорошие, и мы не дураки чтобы отказываться. На дачу или в гараж пристроим, по закону имеем право.

— Пока у вас неделя стажировки, вот эти белые каски носите. Потом сдадите технику безопасности в полном объеме, дам желтые. Без них вижу на площадке — премию срезаю.

— Петр Николаевич, еще вопрос. Заводская свалка.

— Что там?

— Там, получается, только отходы, правильно? Можно там что-то полезное для нашей деятельности искать?

Эх, поспешил Влад, без торгов трудоустроился, а надо было сразу, пока на завод из райкома давят, все плюшки себе выторговывать. Теперь вот выступаю в роли просящего. Объясняю что хочу.

— Иди к заму по эксплуатации. Он нормальный, бумажку вам подпишет, чтобы охрана не дергалась. Только что берете, будете у него визировать. Если вывозить что-то решите, то к начальнику ВОХРа.

Да нет проблем. Нормальные они тут все, это с партийный руководством выпрашивать каждую закорючку приходится. а здесь мужики дело делают. Зам без всяких византийских намеков диктует текст заявления от лица председателя районного отделения общественной организации, и я ставлю закорючку за Дэна. А что, документов о создании объединения еще нет? А меня это волнует? В смысле, что не волнует совершенно. Визирует, хлопает печатью. По отчетам там ничего ценного нет, а если вы, ребята, серьезно займетесь, то и не будет, правильно?

В ожидании когда откроется палатка с молоком, решаю прошвырнуться по заводской свалке уже официально.

Влад.

Чердак отличный, но треугольная крыша без слома крадет больше половины площади, да и ходить по доскам, являющимся потолком третьего этажа жилых помещений долго нам не дадут. Будут жалобы на шум, и скоро нас отсюда попросят.

— Записывай, командир, что нужно. — начинаю прикидывать я. — Бетон — так... Площадь... Тут сто двадцать, два крыла по примерно сорок. Двести квадратов, сантиметров по пятнадцать. Тридцать пять кубов, это семь машин примерно.

— Охренеть.

— А ты думал просто пару мешков на станции тиснуть? Стройка — это всегда дорого. Далее. Пруток. По хорошему — двенадцать миллиметров, но и восьмерка на худой конец может подойти. Метраж... Шестиметровые замучаемся искать и привозить, будем четверку вязать. А, нам же Игорь сварку обещал изобрести, так что варить. Шаг сантиметров двадцать... В общем, грузовик такой арматуры нужен. Проволока... Ах да, сварка же.

— На крышу доски — пятерка? — командир тоже в свое время заказывал себе строительство дома, и кое-что понимает.

— Ага. Пять на пятнадцать, естественной влажности. Три с половиной метра. И таких нам... Если класть по ГОСТу, через каждые 60 сантиметров...

Мастерство не пропьешь, сразу говорю в кубометрах. Гвозди, саморезы... Листы кровельного железа. В общем, такой объем нам не купить и не украсть, в райкоме тоже с этими хотелками пошлют.

— Твою же мааать... — Дэн садится на какой-то старый диван. — Может так оставим?

— Не вариант. — выношу беспощадный строительный вердикт. — Обогревать зимой — теплопотери бешеные будут, чердак-же служит демпфером между теплыми этажами и улицей. Тут влага выступать везде будет, замерзать на щелях, потом сырость, вниз потечет.

— А если поэтапно строить?

— Конечно поэтапно, иначе никак. Смотри. Главное — залить бетонную плиту. Все, считай пол дела будет сделано. С плитой, если дождь, то вниз вода не пойдет. Ну рубероид кинем, все равно под доски тоже будет нужен.

— Еще и рубероид — чертыхается командир.

— Зато потом можем спокойно эту крышу разобрать, и хоть полгода тут копошится. До холодов. Сейчас арматурой уже можно заниматься, спокойно вяжем ее, вот сюда просунуть можно.

— Не спокойно, Влад, не спокойно. Спокойно — только ближайшие пару недель, слышишь, внизу долбят?

— Ага. Что это?

— Капремонт идет, жильцов на третьем этаже нет. Мне Чибисов из горкома сказал, что через две недели закончат. Тогда тут все только на цыпочках можно будет ходить.

— Мда. Долгострой у нас будет, и намучаемся, если все тихо делать. А блатные не помогут с материалами?

— Думаю, помогут. Но сам понимаешь, что именно «помогут». То есть, как говорится, деньги в кассу — культуру в массы. Ну и цена, разумеется, не по прейскуранту из «Стройтоваров» получится.

В слуховом окне, которое является окном только по названию (стекла кто-то запасливый из него свистнул) появляется Рома, который уже прочитал предварительную смету в чате.

— Ибо знаю я заботы ваши и нужды ваши. — нараспев цитирует он по памяти фразу из Писания.

— Немного самонадеянно, мне кажется. — иронизирует Дэн. — Или ты ЭКС придумал?

— Не ЭКС, но по материалам наметки есть. Вспомнил просто.

— Не томи.

— Вам сегодня в школе про металлолом объявили уже?

— Ну да. Хороший подвод нам зарисоваться, кстати. Соревнование между школами и все такое. Я фотик готовлю.

— Я точно помню что нам, в пятую школу, откуда-то привезут целый грузовик арматуры. Типа шефская помощь, наверное, у кого-то папа или мама в какой-то такой конторе работают, вот и сгрузят нам под это дело. Я хорошо запомнил, потому что прямо после Дня Победы драка будет прямо на школьной площадке, какая-то гопота с Жуковского начнет отношения выяснять и сильно этой арматурой друг друга покоцает.

— Ну хоть один пункт сможем закрыть. — облегченно вздыхает командир. — Помню, этот хлам потом полгода вывести со всех школ не могли, у нас пройти невозможно было. Половину стадиона школьного мы тоже завалили в трудовом порыве. Пришлось на уроках труда еще неделю переключать компактнее. Так что у Евгения Ивановича наверняка смогу выпросить вообще все, что там пионеры натаскают. Городское хозяйство отдаст по себестоимости, то есть даром, и еще спасибо скажет, потому что куда его девать и само не представляет.

Я киваю понятно. Нет у нас в районе мощностей по переплавке, а другие районы помогать не обязаны. Ну и хорошо. С арматурой можно будет начинать потихоньку. Да, подмазать какое-нибудь автохозяйство, для того чтобы все это сюда привезти, придется, но это уже мы потянем из зарплат. Игорь тоже наверняка что-то на свалке заводской найдет, в общем, тут главное — начать.

— Тоже посмотрю что у нас в школе притащат. Барахла много, шутка-ли, три дня таскали.

— Как три дня? — хором спрашивают у меня Дэн и Ромка.

— А что такого? — не понимаю я.

— Какие еще нахрен три дня? Суббота, седьмое. Субботник. После уроков таскаем металлолом. И все.

Ромка подтверждает. У них в пятой школе тоже один день это мероприятие. Запрашивает Спицину, та тоже говорит про один день в своей школе.

— Не знаю что там у вас, а у нас три дня. Пятницу и субботу после уроков, воскресенье — целый день. И санкции за неявку были просто драконовские, и сейчас предупредили.

— Да бред какой-то. Это же не картошка, это металлолом. Как такое возможно? Что-то неслыханное. Это не «бряк-бряк»? — намекает Ромка на последствия нашего вмешательства.

— Нет. И в «той жизни» тоже помню, что три дня было.

Игорь.

Набрал хлама столько, что еле дотащил до дома. Неплохая торцевая фреза нашлась, не до конца убитые диски на болгарку, пара метров хорошего стального профиля (которые я прямо там, свеженайденной фрезой и разрезал до удобных габаритов). Мотки алюминиевой и медной проволоки. Латунная труба и совершенно рабочий кран, даже прокладку не надо менять. Есть еще хороший рулон стальной сетки, но это или вдвоем тащить, или рубить ее на фрагменты, подумаю на досуге.

Тиски нашел поворотные хорошие, правда без подвижной губки, но это не проблема. Уже завтра собираюсь зайти в ремонтно-механический цех, заводить полезные знакомства. Отольют мне губки и нарежут в них резьбу, а то и договорюсь что эти водрузят на верстак, а мне отдадут целые (винный магазин работает с часу). Так что тиски я тоже оставил здесь, завалив какими-то подгнившими досками.

Смола вчера пришел-таки ко мне домой. Смешной он. Постоянно зыркал по сторонам, на предложение пройти на кухню, почифирять (я имел в виду только чай с сахаром, если что) — только уселся на кортах прямо в прихожей. Шепотом назвал адрес ювелира.

И вот я стою перед домом по названному адресу. Тимофей Юрьевич живет на Советском проезде, на втором этаже, квартира вон там. Прямо под окнами детская площадка, вполне приличная. Рычажные качели, песочница и горка, огорожена вкопанными автомобильными покрышками. Там скучает какой-то мужичок с Беломором и мелкой шавкой на привязи.

Увидев, захотел было пристроится рядом, но вовремя вспомнил, какой сейчас год на дворе. Нет же домофонов и камер. Сразу в подъезде кидаю в авоську кеды, надев на ноги стоптанные тапки. Все, я тутешний, если кто увидит. Вот, в соседний подъезд к другу бегал, уроки переписывать. А авоську вот сюда, за мусоропровод.

Иду наверх. Так, а это что у нас? Ладно, я все равно хотел подняться выше.

— Стой, боец. — уверенный голос раздается из закутка, куда выходят двери в том числе и квартиры ювелира. Монтер на табуретке деловито ковыряется в щитке.

— Стою. — А чего не постоять, мне самому интересно.

— Из какой квартиры?

Ну это азбука конспирации, меня этим не взять. Все заранее высчитано и осмотрено.

— Двадцать восьмая, а что?

— Утром телефон работал?

— И утром и час назад.

— Свободен.

Вприпрыжку, как и положено школьнику с шилом в известном месте, скачу выше. Так, а мне везет. Вот на четвертом та самая двадцать восьмая квартира, и не только в ней, но и на всех квартирах площадки вообще нет никого. Работают все, только-только обед кончился.

Замочек ерундовый, и приложив ладошку, даю стусок НМЧ, который просто отводит язычок, даже ригеля нет. Хлопаю дверью, чтобы успокоить бдительность мужика с табуреткой. Что это не монтер и не электрик я понял сразу, просветив его чемоданчик. Медвежатник он, причем с очень крутым набором за двойным дном.

Это что, нас опередили? Слежу в интерфейс за этим телом. Да, соскочив с табуретки, опять полез к двери. На улице тявкает собачка. Визгливо и громко, в тишине пустого этажа прям ужи режет. Ого. А лжемонтер опять на табуретке. Получается, этот собаковод на шухере стоит? Гавканьем предупреждает коллегу о зашедших в подъезд, и он, оторвавшись от взлома, снова изображает телефониста. Понаблюдаю за ним еще.

Вот и открыл дверь, быстро заскакивает в квартиру. И никаких метаний, прямо от двери начинает все внимательно осматривать. Это кража не по принципу «схватил первое попавшееся и наутек», это капитальный шмон на пару часов. Наверняка кто-то еще и за ювелиром на рабочем месте наблюдает.

Описываю расклады текстом в интерфейс, пусть Ромка подключается, или командир. А я пока вот что сделаю.

Удобная советская привычка, видимо от коммунального прошлого хозяев — телефон на тумбочке в прихожей. Прикинув, набираю известный мне номер.

— Здорово, малой. Что, опять щемить пытаются? — слышно, что Коша еще спал. Даже завидно стало, так сладко он бормочет спросоня.

— Нет, с эти все норм. Ты это... Золотаря, что на Площади в ювелирном работает — знаешь?

— И чего?

— Да тут какие-то гастролеры квартиру его обносят, я и решил поинтересоваться, это нормально или как.

— Стой там, сейчас мы будем! — орет он. Уважаю профессионализм. Никакой раскачки, никаких уточнений.

Глава 11 Кимоното хировато.

Роман.

Успеваю практически впритык, и падаю с неба перед тихо крадущейся вокруг дома знакомой «копейкой». В салоне полный сбор — Коша и Шило вместе со своим полевым командиром.

— А Игорек твой где? — интересуется Бульдог.

— Я за него. Он в таких делах светится не хочет.

— Сколько их?

— Один в квартире, и один на шухере. С собачкой.

Коша тихо моргает, а потом взрывается как Друзь, уличивший крупье Ворошилова в нечестном судеистве.

— Буля, это же Мирон с Шариком! Суки, божились что завязали оба. На перо сажать!

Бульдог не очень ценит энтузиазм Коши и отвешивает тому затрещину. Внимательно оглядывается по сторонам, немного думает, и медленно переключает передачу на заднюю.

— Ром, мы у того дома постоим, пройдишь пожалуйста, глянь, нет ли там где поблизости двадцать четвертой «Волги». Светло-серой, номера МОК или МОМ. И скорее всего водитель в ней будет сидеть. Лады?

Он смотрит подчеркнуто дружелюбно и уважительно, но я не горю желанием что-либо смотреть. Серии что он назвал — это милиция или другие спецслужбы, и светится не хочется. Но и отказываться глупо, поэтому киваю, и начинаю обходить дом. Нет, ребята, я прямо в первый подъезд юркну, от лишних глаз подальше. Смотрю в интерфейс СО. Москвич, «таблетка», еще «Москвич». Ага, и «Волга» есть, только с другой стороны дома. Это что получается? Что домушники под милицейским прикрытием работают?

— Игорь, ты на левый угол дома сможешь посмотреть?

— Далековато. А надо?

— Нет, наблюдай за этим телом, если кто в подъезд войдет — сразу нафиг из квартиры, и идешь из подъезда направо.

— А почему не налево?

— Там дяди плохие в машине сидят, скорее всего. Плохие и любопытные.

Так, дом у нас — панельная «хрущевка», чердак сквозной, но на нем не разогнуться. Наверняка, пробираясь по нему в последний подъезд, изгваздаюсь в паутине и голубином помете. Придется обойти с тыльной стороны.

Через пару минут выхожу с другой стороны дома. Если меня тут заметят — теоретически я от кинотеатра к дому мог таким маршрутом идти, но лучше бы не заметили. Ну да, светло-серая «Волга», номер МОК, что характерно, начинается с восьмерки. Милиция, какая-то скрытая служба. Иду радовать Бульдога.

— Ладно, студент, спасибо.

— «Спасибо» много, а кое чем поделиться — в самый раз.

— Чебуреки любишь? — задает Бульдог совершенно парадоксальный вопрос. Не представлял совершенно, что где-то в Видном в этом времени можно поесть чебурек. Даже любопытно.

— И мой товарищ любит. — сообщаю я, отправляя сообщение Игорю.

Коша оживает: — Да, тощего подкормить надо. Сейчас обеспечим зёму!

— Не, Коша, ты обеспечением заниматься не будешь. Вы сейчас «пост сдал — пост принял» сделаете. Ты вон в тот грибочек садись, Шило — дуй дворами за пятый дом, там на лавочке пристройся. Подъезд Тимохи и эту «Волгу» сечете, в четыре я вас заберу у Сберкасы, расскажете. Увидите Тиму — молчок ему, сначала обдумать все надо.

Денис.

Ленька Полежаев прилетел на тренировку с здоровенным рюкзаком общепринятой в Советском Союзе системы «Пельмень». Базовый курс под руководством Ромки Ростова закончен, и мы теперь тренируем своих рекрутов самостоятельно.

В принципе с этим рюкзаком хорошо бы рвануть после тренировки поискать какой-нибудь лут на Ленинской свалке, там, как Влад сказал, вчера целый состав пригнали. Кстати, поиски всевозможного лута на советский свалках — тоже отличная тренировка. И по скрытному проникновению на объект, и хорошо учит настраивать чувствительность и избирательность интерфейса СО.

Но сегодня домой мне надо засветло, родители и так начали подозревать меня в забывании на учебу. Еще одну ночь где-то шляться мне не позволяют.

— Отец свой, охотничий, для похода дал. В гараж залетал за ним. Сапоги еще, спальник, палатка нам.

Да, точно. Совсем забыл с этими всеми событиями. Екатерина Петровна давно, как сладкой морковкой, стимулировала наш класс на учебные и дисциплинарные подвиги тем, что если будем себя хорошо вести, то организует нам настоящий поход. С ночевкой. На реку Рожайку.

Помню-помню, как-же. Для среднего класса средней школы, кстати, было эксклюзивно, потому что подобного ни один педагог предложить своему классу не мог. А Екатерина Петровна — смогла. У нее жених сейчас (через год классная уйдет в декретный отпуск, и увижу я ее в следующий раз только в десятом, незадолго до выпускного) какой-то студент-стройотрядовец-походник весь, и он просто потрясет наше воображение. Весь этот туристический фольклор, анекдоты, байки-шутки-прибаутки.

Но, собственно, поход выйдет так себе. Полдня будем ехать на плотно забиты электричке и автобусе, потом куда-то чапать подмосковными полями по жаре. К вечеру доберемся до места, там все вусмерть усталые разобьем лагерь, поедим каши с костра, и утром домой. Ну страшные истории в палатках потравим. Посмотрим на свою классную не в строгом платье а в обтягивающих стройные длинные ноги джинсах. Песенок походных наслушаемся, потом холодной водой будем оттирать котелки. Никакого экспиеренса, который нельзя было бы получить, так-же разбив палатки на берегу близлежащего Табловского пруда не будет.

Не хочется мне в этот поход, напрасная трата времени. Но парни горят, предвкушая, как мы организуем передовой дозор, будем помогать отстающим девочкам, потом набьем гарпуниками рыбы на ужин всему классу...

Кажется вот-вот, прямо накануне этого похода и случится одно неприятное событие. После тренировки надо будет подготовить друзей, а пока...

— Треугольник, Лёня ведущий, я и Лёха — ведомые. Полет с прижиманием к складкам местности, примерный маршрут в интерфейсе. На аммиачный завод заход со стороны солнца, дистанция начинается с восьмисот. Каждого встреченного в лесу рассматривать как вражеского наблюдателя, попадание на глаза недопустимо.

Лена.

— Сварим два раза в хлорке, потом хорошо простирать с мылом, и тогда уже варим с красителем. — решаюсь я. Мама, узнав про то, что скоро я буду при деньгах, ссудила в долг огромную сумму — семьдесят рублей, и мы с Милой сейчас тарачимся на витрину магазина «Охотник и рыболов» на «Марксисткой».

Бедные ребята из «звездочки», наверное уже прикидывают, как распорядятся своей первой зарплатой. А вот фигушки, я за свой счет их всех обшивать не собираюсь. Рублей по пятнадцать с носа материалы выйдут, а Дэну еще оплачивать подшивку своего шикарного пиджака из двухсотой секции и не пригодившееся ему нижнее белье.

Потом рюкзаки еще обойдутся рублей по восемь, если не учитывать тех материалов, что мальчишки притащили ранее. Где взяли — спрашивать не возьмусь, понятно что в СССР удачно найденная на складе вещь украденной не считается.

Форму я хорошую придумала, самой нравится. Более того, она, если так можно сказать, выиграла батальонный конкурс, все срочно затребовали полную технологическую карту. Карту — пожалуйста. Только она требует аж трех видов ткани. Жесткие вставки, не очень жесткие вставки, и основная, несущая ткань. Много фурнитуры, причем качественной. Крепкая нить. И все это — дефицит.

Несущую ткань очень относительно подходящего колера мы присмотрели в магазине с говорящим названием «Ткани», забрали все что было. Опять придется краситель использовать, и это очень замедляет постройку костюмов. Хорошо, что если знать, как пользоваться интерфейсом СО, то можно подбирать цвет как на компьютере. С красителями проблем нет, им завалены все отделы бытовой химии, и они по-советски крепко держат цвет.

А вот полужесткую ткань найти не удалось. И тут родился вариант — купить в «Охотнике и рыболове» подходящую по фактуре брезентовую палатку или какую-нибудь энцефалитку и порезать ее на запчасти. Сейчас мы с Милой выбрали... Чехол для байдарочного весла, взяли аж пять штук. Самая подходящая фактура оказалась, и стоит демократично.

Так-же пришлось выкручиваться с липучками. Нет их в продаже, в одежде практически не используют. В чате батальона кому-то удалось припомнить, что их сейчас ставят на манжеты для измерителей давления больным, и по этой наводке шерстили все аптеки. Один манжет — два комплекта формы. Хорошо что они продаются отдельно от этих дорогих аппаратов.

— Фурнитура! — напоминает Мила. Ну да, легко сказать. В магазинах только самое основное нашлось — защитного цвета пуговицы, стальные карабинчики и суровые металлические крючки, на подобии которых в моем времени застегиваются бюстгальтеры. Ирония в том, что сейчас, обычно, бюстгальтеры застегиваются на добротные пластиковые защепы, которые я использую для рюкзаков.

Но фурнитуры в СССР много, она достаточно разнообразна, и ее можно получить в такой штуке как Металлремонт. Там шьют и ремонтируют молнии, ставят набойки на обувь, меняют крокодилы на подтяжках, всякие кнопки — это тоже к ним. Только есть нюанс.

— Пряжка открытая, стальная, шириной сорок. Установка — пятьдесят пять копеек, на кожу — семьдесят. Пистон для каждого отверстия ремня — девять копеек, на кожу — одиннадцать. — меланхолично сообщает мужичок в пропахшей обувным клеем палатке.

— А если самим устанавливать?

— Не положено.

— Давайте я Вам заплачу как за установку, а сделаю дома сама.

Мужичок подумал... Оценивающе посмотрел на меня... И полез за фурнитурой. Сообщает. Ему эти пряжки, карабинчики, заклепки и молнии целый день устанавливать, а то и два. Сейчас заполнит сам талончики, положит деньги в кассу. Получится, что он себе целый выходной может устроить, план-то выполнил. Такой хоккеей нам нужен, и закупившись всем необходимым, радостно вываливаемся на свежий воздух.

— Диа лэдис, мэй а жейн юни ю фан? — внезапно раздается у нас под ухом.

— Анлайкли. — автоматом бухаю я. — Таз а тана ворк туду. — Дел и правда дофига, не до развлечений.

Разговаривать с каким-нибудь гостем столицы за чашечкой капучино об удивительной Раше мне сейчас не с руки. Но похоже, этот молодой америкос (акцент такой только у них) почему-то вери-вери удиффлен. Выныриваю из автоматических реакций, приобретенных в 21-ом веке, так и спалиться можно. Чего он так удивлен? Не предполагал отказ такому шикарному предложению?

Парень, лет пятнадцать, одет... Прилично одет, так сейчас в Штатах немногие его сверстники одеваются. Ни рваной джинсы, ни кричащего балахона с антисоциальной надписью, ни кроссовок с четырехцветной палитрой. Брючки, ботиночки, водолазка и куртка. Все добротное, но без ярких лейблов.

Единственное что выглядит пижонски — солнечные очки, сдвинутые на лоб. Очки стильные, с редким сейчас зеркальным блеском. Это уже, видимо, для тех кто не понял, что одет он так не потому что нет денег на яркие тряпки, а просто вкус у человека есть.

— Я просто хотел полюбопытствовать, если вы спешите, то я вас не задержу.

По осоловелым глазам Милы понимаю еще одну вещь. Прокололась я серьезно. Мы же в школе с ней испанский учим! А я на языке Джона Леннона с ним. Ладно, выкручусь потом.

— Именно что спешим, и просим нас извинить. — набиваю Миле в чат, чтобы кивала и тащила меня за руку. Надо куда-то отойти, распихать купленное по рюкзакам.

Читала в перестроечные годы, что якобы о каждом контакте с иностранцем, гражданин обязан был сообщать в КГБ. И из «того» времени не припоминала, и сейчас не слышала о таком. Возможно, что просто время не пришло, статья «За измену Родине» включается при достижении возраста 16 лет, и потом нас проинструктируют. Но даже в таком случае, для таких вот романтических знакомств у нас времени нет.

Деловито присев на корточки, грузим в рюкзаки кульки из Металлоремонта. Парень стоит над нами, рассказывая, что с удовольствием угостил бы нас мороженым, тут неподалеку есть место.

— Хай, миста! Ай хэв э йона оффер ю ин эклюзив вейм. Кавиа, рэ, момменотив баджес энд медалс. — к нам устремляется молодой человек, чью специализацию видно сразу. Вареный джинс, такие-же неуместные очки, кепка «горшок». Футболка, почему-то с канадским флагом.

Ну вот и отлично, вот и встретились два одиночества. Уверена, что им будет о чем поговорить. Но вечер перестает быть томным, потому что так-же дружелюбно улыбаясь, этот молодой человек сообщает нам:

— Так, колхозницы. Прежде чем свалите, весь хабар что у него сменяли, отдадите Фридриху. Тут только мы работаем, понятно? На первый раз простим, потом ноги вырвем.

И так-же ласково улыбаясь, делает приглашающий жест американцу, мол давай отойдем от дам, они не в ресурсе. Тот, загипнотизированный потоком фраз, делает пару шагов, вероятно подбирая какие-то слова, объясняющие, что у него уже этого всего дерьма навалом. Икру, значки и матрешки, наверняка, заговорческим шепотом предлагают все: горничные, официанты, портье. Вряд-ли, если пиндос имел хоть малейшее желание, он не насытился по горло в первые пару дней пребывания в Союзе.

Ага, вот и Фридрих. Крепенький коренастый юноша в такой-же униформе фарцовщика, только еще и увешанный значками как новогодняя елка, нарисовался будто-бы ниоткуда. При себе солидный кожаный саквояж. Понятно, там, видимо и находится все предлагаемое изобилие. Держится вдалеке до тех пор, пока переговорный процесс не завершится консенсусом, чтобы не попасть под облаву.

— Чё надыбали? — он деловито приседает к рюкзакам, тянет ручки. Ну это я прощать не собираюсь, и добавив НМЧ, отправляю колено ему в лоб. Если это не нокаут...

Нет, не нокаут. Крепкий, зараза, отшатнулся на полусогнутых, но плывет, взгляд расфокусирован, и пропускает боковой удар с той-же ноги, который я отправляю ему в голову, немного подлетев над землей. Маваша-гири просто высший класс, можно черный пояс вручать, если не знать, что я читерю наноманой. Да, вот теперь нокаут.

Американец с первым деятелем изобразили немую сцену. Но если иностранец просто тарашится на неожиданное шоу, то фарцовщик старается осознать ситуацию как можно глубже, чтобы выработать правильную парадигму поведения, ему это сейчас жизненно важно.

— Кимоното херовато. — я дурашливо-анимешно кланяюсь на японский манер. Моя — мочить ногами если твоя не бежать.

Похоже понял этот барыга, что вечер перестал быть томным, но кидается не прочь, а к сумке. Непонятливый какой. Нет, у нас кто за шерстью ходит, тот стриженным возвращается. Обозначив попытку удара стопой в колено, тут-же меняю траекторию стопы, и она заезжает тому по челюсти. Вскользь, но задуматься заставляет. Сейчас все, что ногами выше живота, имеет в глазах обывателей ореол мистики и всемогущества. Таинственное каратэ — это вам не русопятое самбо, или какая-то прости Господи борьба. Потные мужики в трусах или закрытых купальниках, куда вам до тех кто тренируясь в белоснежном кимоно, постиг зловещую мудрость Востока под тенью сакуры.

— Твоя туда бежать, баран.

«Уиу-уиу!» — раздается рядом. В Москве милиция на «Волгах», оказывается, ездит. Ага, фарца осознал что изматывание противника быстрым бегом — это отличный тактический прием. Дергается, бежит прочь.

Смотри, пиндос, тут тебе не Америка! Это там, увидев убегающего от полиции, народ стремится побыстрее убраться с пути. Сообразивший что к чему, толстый мужичок, проходящий мимо, неожиданно ловко ловит бегущего за рукав, и после того, как бедняга совершил оборот вокруг внезапно образовавшегося центра вращения, второй пятерней, просто положенной на голову, сажает неудачника на задницу.

Милиционеры с пижонскими белыми ремнями, в отглаженных рубашечках без кителей, моментально оказываются рядом. В «Волге» слышно, что водитель что-то сообщает в рацию.

Облегченно выдыхаю, увидев на машине надпись «ГАИ». Если у этих барыг местные милиционеры и прикормлены, то уж гаишники явно случайно мимо проезжали. Значит будем работать. Страна сама себя чище не сделает.

Роман.

А чебуреки, оказывается, можно в Видном поесть на территории автобазы около Рас-торгуева, которое прямо за небольшим заводиком «Металлист». Машину Бульдога беспрепятственно пропустили на проходной, и мы заезжаем внутрь. Очень приличная кафешечка для своих сотрудников, если не считать визитной карточки дешевого советского общепита — про-бивающегося сквозь ароматы кухни, ненавязчивого запаха хлорки.

— Там-же сейчас квартиру этого бедняги выносят. — напоминаю я Сергею.

— Ай, не бери в голову. Язь — не дурак, и не держит там ничего ценного. Телевизор черно-белый и приемник с тремя кнопками. К нему за последние года три залезали... — промокая губы матерчатой салфеткой, Бульдог прищуривается, вспоминая. — Это считай четвертый раз будет.

— Не задолбался?

— Задолбался, конечно. И мы вроде как помочь обещали, но тут наши не пляшут. У этой парочки крыша — ОБХСС, я не зря тебя про «Волгу» просил узнать.

— Конгениально, кстати, они придумали! — отдал должное я.

— А то. — Довольный, будто бы это он все придумал, Бульдог тянется за следующим чебуреком. — Если их ловят равнодушные граждане, то сразу подбегают эти, с корочками. Говорят спасибо, но свидетели не нужны, потому что мы и так тут операцию проводили. А самое главное — ты понимаешь что?

Я думаю недолго. Сразу бы сказал, но нам, даже не спрашивая, тетка с добрым-предобрым лицом приносит еще порцию. Это только нас она так привечает, остальные труженики берут чебуреки самостоятельно. Впрочем, на них не налегают, цена в тридцать две копейки достаточно солидная.

— Наводка. Кто как не ОБХСС знает, кто именно и где честно жить не хочет. Ну, или имеет возможность не жить.

— Соображаешь, пионер. Ладно, колись, зачем вам Язь?

— А зачем может понадобится ювелир?

— Ну, например... Печать сделать? — и он неожиданно смотрит мне в глаза. Сработало! Значит Смола и ему про нас сливает. Немного, чуть-чуть, чтобы не показаться наигранным, изображаю смущение, потом деланно отмахиваюсь.

— Да печать, сегодня узнал, нам сделают. Без печати же мы официально существовать не можем, вот и пришлось суетиться. Но командир как-то выкрутился. Думали значки заказать. Не из драгметаллов, разумеется. Но чтобы выделяться. Я обрадовался было, думал, мы ему услугу окажем сейчас, добро защитим, он нам и скидочку сделает.

Мда, надо будет с этим Язем напрямую говорить. Если тут такая конфиденциальность всего сказанного по большому секрету, то... Скажем дружно — нафиг нужно.

— Скидочку, и вообще со всем уважением отнесется, это будь спок. — скупо роняет Сергей.

Кажется тоже объяснимо. Стучать в милицию не принято, но наверняка, пока я ходил смотреть на ту «Волгу», сделал-таки Бульдог звонок в дежурную часть. Или прямо Винокурову. По тихому, чтобы Коша и Шило не узнали. Там и таксофон рядом, прямо в ста метрах есть, то-то он так машину поставил. Так что наверняка эта парочка под крышей ОБХСС сильно развернуться не успела, на сигнал приехал дежурный наряд.

— А это мы удачно зашли, кстати. Сергей, а тут для своих... — я специально выделил голосом «своих» -... есть возможность грузовые рейсы организовывать? С честной оплатой ну и справедливым возмещением хлопот?

— Да нет проблем, сейчас познакомлю тебя с начальником колонны. По цене попрошу не наглеть, но сам понимаешь, не пяточком расплачиваться придется. Техника тут серьезная.

Железо надо ковать пока горячо, и выйдя из столовой мы направляемся куда-то внутрь базы. На вооружении, если так можно выразится, состоят вполне ухоженные ГАЗ-53 и ЗиЛ-130, покрашенные по тогдашнему тренду — с белой радиаторной решеткой. В основном бортовые, но есть и самосвалы. Начальник колонны должен вот-вот появиться, но тут некстати в чат бухает сообщение от Спициной и команда Дэна. Ленка в Москве во что-то вляпалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.